

Архимандрит Алексей
(Полтавский)

**СЛУЖИТЬ ДРУГИМ,
ЧТОБЫ НАЙТИ СЕБЯ...**

РАЗГОВОР С МОЛОДЫМИ
ЛЮДЬМИ



Алексий Поликарпов
Служить другим, чтобы найти себя...
Разговор с молодыми людьми

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2827755

Служить другим, чтобы найти себя... Разговор с молодыми людьми: Даниловский благовестник;

М.; 2010

ISBN 978-5-89101-396-4

Аннотация

Имя наместника Московского Данилова монастыря архимандрита Алексия (Поликарпова) хорошо известно православной Москве. Опытный духовник, отец Алексий делится в этой книге своими размышлениями о том, что такое церковность и духовная жизнь, как помочь молодому человеку войти в Церковь.

Книга будет интересна и полезна самому широкому кругу читателей, как уже воцерковленных, так и стоящих на пороге храма.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	4
О жизни в Церкви	5
Что значит быть церковным человеком?	5
«Церковный человек» и «просто христианин»	5
О человеке церковном и воцерковляющемся	6
Что включает в себя воцерковление?	7
О молитве	8
О литургической жизни	8
Об оглашенных и воцерковлении	9
Церковная жизнь и жизнь «в миру»	10
Об обязанностях перед ближними и церковности	11
О служении Богу, ближнему и Отечеству	13
Что такое спасение? Спасение и грех	13
Что такое духовная жизнь?	14
О духовнике и духовничестве	15
О молодых людях и Церкви	15
О воцерковлении молодежи	16
О поисках своего места в Церкви	17
О просвещении, любви и милосердии	18
О жизни вечной и образе человеческом	19
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	21
О церковных Таинствах и духовничестве	22
О спасении и заповеди любви	26
О монашестве, пути и образе человеческом	30
О любви в «днях юности твоей»	34

Архимандрит Алексей (Поликарпов) Служить другим, чтобы найти себя... Разговор с молодыми людьми

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ



О жизни в Церкви

Что значит быть церковным человеком?

– Батюшка, сейчас много говорят о духовной жизни, спорят о церковности, о месте Церкви в современной жизни. Зачастую можно услышать суждения: такой-то – человек церковный или о другом – нет, это не церковный человек, еще о ком-нибудь могут сказать – он христианин. Хотелось бы понять, что такое церковность? Что значит – быть церковным человеком? Может быть, это особый тип людей в нашем обществе?

– Прежде всего, если говорить о внешнем, церковный человек – тот, который является активным прихожанином, участвует в Таинствах Церкви, человек, для которого Церковь по внутреннему самоощущению действительно является Матерью. Для такого человека Церковь является и домом Божиим, и его домом одновременно, и приходит он сюда не только за утешением, как часто мы идем, но и потому, что здесь он может получить и наставление, и вразумление по любому насущному вопросу.

Часто люди, верующие в Бога, верующие во Христа, но не воцерковленные, говорят: я не верующий человек. Они просто ошибаются формулировкой. Они верующие, но не церковные, то есть не живут по церковным канонам, по церковным установлениям. Но важна не внешняя форма, которую мы имеем, поскольку в ней может быть и ханжество, и кликушество, что-то не истинное.

Ведь та давняя трагедия русского народа, вызвавшая раскол, произошла от пренебрежения Животворящим Духом, Который пребывает в Церкви и Который Она, как любящая мать, дает каждому из нас. Вот этого-то уходящий в раскол человек уже не воспринимал, утрачивал самое важное. Он словно забыл, что главное – это внутреннее, личностное, и прежде всего – хождение пред Богом.

Есть всеобъемлющее понятие церковности, оно дает ясное представление о человеке церковном. Архиепископ Иларион Троицкий говорил, что Россия может обойтись без парламента, еще без каких-то общественных институтов, но без Церкви Россия жить не может, и русского человека всегда можно отличить по его отношению к Церкви. Это очень точное наблюдение, для нас Церковь жизненно важна.

Вот и сейчас мы видим, сколько людей обращается к Богу, приходит в храмы. Может быть, многого не зная, не понимая, они, тем не менее, очень уважительно относятся и к священнослужителям, и к обрядам церковным, и ко всему, что с Церковью связано. Поэтому, если даже иногда мы не идеальны, они все равно желают увидеть здесь идеал той духовности и святости, которую имеет в себе и несет в жизнь Церковь.

«Церковный человек» и «просто христианин»

– А можно ли противопоставлять, как это иногда делается, церковного человека и христианина? Или, следуя словам апостола Павла, называвшего людей христианами, для нас, православных, это одно и то же?

– Церковный человек и просто христианин, который уже сегодня или завтра будет в Богоучрежденном институте Церкви и будет причастен преподносимой в нем благодати, не должны противопоставляться.

Для чего нам нужна Церковь? Мы в ней черпаем силы. Мы, может быть, не отличаемся от других людей лучшими качествами, ведь иногда говорят: почему это человек верующий, а – плохой. Или – вот человек неверующий, а в нем столько добра, столько отзывчивости,

любви. Что же, как раз оттого, что мы плохи, нам нужна Церковь. Она у нас есть, и есть возможность обратиться к Богу, возможность испросить помощи для исправления. Для исправления себя самих Церковь нам просто необходима.

Примеры церковной истории о многом говорят: когда люди живут по-христиански, а не просто именуется так, через свое чистое житие они приобретают души многих людей для Церкви. Из церковной истории мы помним: когда вымирали целые города от различных болезней, христиане, не цenia своей земной жизни, но по-настоящему оценивая ее лишь во Христе, входили в дома, которые язычники просто бросали, оставляя своих ближних. А христиане погребали умерших, ухаживали за больными, и через них имя Божие прославлялось. Именно через эту настоящую деятельную любовь.

Есть понятие – «настоящий человек», и известные слова Николая Островского: «Жизнь... прожить надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы», – они ведь к каждому из нас относятся.

Тем более что нам предстоит экзамен, когда придем на Страшное Судище Христово и должны будем дать ответ: мы были верующими людьми, которых Господь призвал, это не наша заслуга; но почему мы были не лучше, чем наши современники, люди, которые окружали нас?

Это очень важный вопрос – призвание. Господь так захотел, Он нас увидел, не мы Его. Он нас позвал, и вот у нас появились права, мы стали христианами, стали церковными людьми, прежде всего – через Таинство Крещения. Но помимо прав у нас появились и обязанности. Господь пожалел нас, немощных, слабых, и призвал к Себе, а мы – что? Как ответили на призыв Его любви, каким образом явили себя другим людям?

О человеке церковном и воцерковляющемся

– **Можно ли сказать, что человек воцерковляющийся чем-то отличается от человека церковного?**

– Отличается. Подчас даже, может быть, и выгодно отличается. Человек воцерковляющийся чаще всего с трепетом, с любовью ко всему в храме подходит. Может быть, и не все он понимает, тем не менее все готов усвоить, все воспринять и исполнить. Амы, воцерковленные, случается, уже без трепета относимся к некоторым своим обязанностям, к формам, которые у нас воспринимаются подчас как застывшие. В этом бывает различие. Но конечно, по существу путь у всех один. А кто дальше ушел, кто ближе ко Христу, это уже другой вопрос – это сердцеведец Господь знает Сам.

Говоря о воцерковлении, мы не можем не коснуться вопроса о Таинствах. Святые Отцы говорят, что ни пение, ни славословие, ни чтение Евангелия без Таинств церковных не создают совершенного христианина. Прежде всего без Евхаристии не может его быть. Если говорить о церковности, о церковном человеке, то вне этого главного Таинства для него не может быть спасения, оно не состоится.

Это значение Таинств не всем сразу открывается, человек приходит в Церковь по-разному, кто-то по влечению сердца, кто-то, может быть, по своим умственным размышлениям; нередко бывает, что и личная трагедия приводит. И вот человек пришел, чтобы увидеть, услышать, понять, почувствовать Бога. Конечно же, это не легко. Но надо преодолеть в себе инертность, надо, чтобы человек ходил в Церковь на богослужения, стоял, сначала, может быть, даже не понимая, но чувствуя, вслушиваясь в себя, как сердце отзывается. Когда приходишь, стараясь понять, увидеть, услышать, Господь, без сомнения, дает благодать, дает силу к восприятию Себя. К тому же в нынешнее время, слава Богу, уже можно приобрести и конкретные знания, которыми сердечная вера очень хорошо подкрепляется, в особенности полезно утверждаться в вере чтением догматических положений. Мы сейчас имеем литера-

туру, каждый сознательный православный христианин может получить необходимые ему знания, что очень важно.

Можно и так сказать: воцерковляющемуся надо прежде всего открыть дверь церковную и войти в храм, а после уже оставаться и пребывать в нем. Все недоуменные вопросы, которые рождаются на первых порах, постепенно уйдут, развеются, а человек приобретет себе новый дом, вот что важно.

Что включает в себя воцерковление?

– А что включает в себя воцерковление, если человек решает для себя постараться жить с Церковью, в Церкви?

– Это опять возвращает нас к теме Таинств церковных. Я думаю, что у такого человека должна быть первая исповедь. Прежде всего, она должна быть предельно искренней. Будет ли она большой по объему – не важно. Иногда люди, глядя друг на друга, сокрушаются и говорят: ах, столько листов у другого написано, столько он со священником на исповеди говорил, а я не знаю о чем... Но дело, наверное, не в листах, не в словах – дело в сердце человеческом. Все происходит в его глубине, и все будет открываться по мере духовного роста. И если человек растет, то как организм здоровый из себя исторгает всю гниль, так и в отношении греха происходит очищение в Таинстве исповеди. После первой такой исповеди бывает очень важным и Причастие, и все это будет углубляться, человек будет совершенствоваться по мере роста.

Кроме того, воцерковляющимся следует постигать Священное Писание. В церковном богослужении, сердцем которого является Божественная литургия, это очень важно и нужно.

Что мы видим на примере наших воскресных школ? Мы деткам даем знания, но если они не бывают на богослужении в храме, то эти знания выхолащиваются. Мы даем знания здесь, а если в семье их не поддерживают, им трудно бывает сохранить церковную настроенность. Так же и здесь – нужно постоянно приходить на церковную службу, нужно читать Священное Писание. Такое пожелание есть к воцерковляющимся людям. Если мы знаем, что человек ходит к Литургии, чаще всего это именно так, можно ему посоветовать, чтобы он бывал и на вечернем богослужении.

Если у него есть обращение к Богу, есть молитва, значит, нужно установить домашние вечерние молитвы. Они не обязательно сразу могут быть по молитвослову, не обязательно должны быть многочисленными. Например, преподобный Серафим Саровский советует для начала читать три раза «Отче наш» и «Богородицу» и один раз «Верую». Постепенно, я думаю, правило можно наращивать.

Конечно, хорошо, когда человек знает «Отче наш», «Богородице Дево, радуйся», «Символ веры». Какая-то мамаша мне говорила, что у нее сыночек знает «Отче наш». Я спрашиваю: а сколько же ему лет? – Два года. – Неплохо. Но бывает, приходит человек, и не в два года, а в двадцать два или в сорок два, и сразу начинает читать молитвы по молитвослову. Каждого по-своему Господь ведет и в свое время каждому открывается.

Святые Отцы придавали молитвословию большое значение. В древних монастырях каждый грамотный монах должен был выучивать часть Священного Писания. Например, об одном подвижнике говорится, что когда он шел в Церковь, то перед этим выучивал часть священного текста, готовился таким образом к Литургии. Выучивал – и только потом шел на богослужение. Да, так было в прежние времена. Но надо заметить, что нет автоматической зависимости качества, глубины воцерковления от количества произносимых молитвословий.

Иногда человек берет очень много правил, много молитв, всяких прошений и считает, что чем больше он будет делать, тем лучше. Однако необходимо, чтобы все это было именно

в духе, сердцем. Может, лучше будет не очень большое правило, но по-настоящему, серьезно выполняемое.

О молитве

– **Что следует посоветовать воцерковляющемуся человеку, спрашивающему о молитве, как в ней не перейти меру, чтобы она не превращалась в вычитывание, когда, предположим через пять лет, открываешь канон Божией Матери, и слова бегут, бегут, бегут, а ничто не касается твоего сердца? Так ведь бывает...**

– Наверное, не надо спешить много читать, не стоит и слишком быстро читать. Все мы знаем такое рассеянное чтение, может, даже из собственного негативного опыта, когда читаем молитвы вечерние или утренние без должного внимания. Впрочем, молитва дается молящемуся, а молитвенный труд – труд постепенный...

У святителя Феофана хорошо написано, как можно осмысливать слова, отдельные тексты. Если не можем много, по причине отсутствия времени, – лучше прочитать меньшее количество, но также внимательно. Или если невнимательно человек прочел молитвы, может быть, следует найти возможность повторить их еще раз.

Но главное, должен быть настрой на молитву: вот – Господь, и вот – я, сейчас произойдет моя встреча с Богом. Тут уж оставляются всякие свои дела, прежде всего настраивается ум на обращение с прошением, с просьбой к Богу, чтобы оледеневшее сердце очистилось и рассеянный ум собрался для этой встречи.

И не надо сильно смущаться, когда подчас мы молимся и о чем-то другом думаем, все равно следует продолжать молиться, и постепенно, я думаю, серьезный навык при постоянстве усилий выработается.

А если уж возник негативный навык, надобно просить, чтобы Господь помиловал, стараться исправляться и не терять надежды.

Христианский писатель Сергей Большаков, автор книги «На высотах духа», пишет о примерах молитвы среди монашествующих. Он говорит, что в молитве нужно успокоиться. «Вот сейчас весна, ждешь лета, потом осени; сейчас ты послушник, ждешь, когда тебя постригут»... В молитве надо успокоиться, потому что всему свое время, свой черед. Тогда в мирном устроении можешь молиться.

Возможно, это трудно в наше время, когда всё, действительно всё, очень быстро бежит. Жизнь, можно сказать, очень компактна, насыщена внешними событиями, но тем не менее находить время необходимо. Скажем, человек говорит: вот я утром очень спешу, не могу молиться. Допустим, не можешь прочитать много, но ты же знаешь, что по крайней мере пять минут ты должен посвятить Богу. Вот на эти пять минут раньше вставай или освобождай их каким-то другим образом. Но не забывай, для Кого, с Кем ты должен провести эти пять минут. При постоянстве и непреложности усилий увеличится и время, и качество молитвенного общения. Господь и поможет, и укрепит.

О литургической жизни

– **Как объяснить воцерковляющемуся молодому человеку, что такое литургическая жизнь?**

– Литургическая жизнь – это богослужение, участие в богослужении и жизнь согласная, внутренне согласованная с этим. В Церкви есть внешние формы жизни. Это и приготовление к Причащению, это и пост, либо вне поста, по согласованию с духовником, все равно я имею какие-то ограничения в пище, в развлечениях. В семейной жизни тоже есть свои правила. Вообще, это очень важно – жить по правилам; раньше даже была такая характери-

стика – о хорошем человеке говорили: «он человек правил» или «человек хороших правил». У Пушкина сказано: «дядя самых честных правил», – а не очень хорошего определяли как человека «без правил».

Зачастую задают вопросы: «Могу ли я правило ко Святому Причащению, которое состоит из нескольких канонов, акафистов, последования ко Причащению, не в один день прочитать, а разделить на несколько чтений?» Если для кого-то поначалу тяжело это правило, что ж, можно начать с какого-то минимума. Все равно уже происходит подготовка, настроенность на то, чтобы как-то по-новому организовать и осмыслить свою жизнь. И конечно, очень важно после Причастия полученный дар Божий сохранить.

Хорошо принимать и непосредственное участие в богослужении, в соответствии с теми дарами, которые у каждого из нас есть либо проявятся со временем. Это может быть участие в пении, для кого-то возможно и пономарство, служебное чтение, помощь при каждении. Еще важно заметить, что мы не просто стоим безучастно, а что мы молимся единым сердцем, что здесь, в храме, все мои друзья, и единым сердцем и едиными устами мы взываем к Богу. В этом проявляется наша соборность. Помните, в «Символе веры»: верую «во едину Святую Соборную и Апостольскую Церковь».

При подготовке к богослужению следует узнавать, о чем пойдет речь, и если, положим, празднуем память какого-то святого, неплохо познакомиться с его житием, осмыслить его.

В жизнеописании игуменьи Арсения рассказывается, что она во время богослужения как бы заимствовала какое-то слово, выражение евангельское брала, осмысливала и потом приходила и с сестрами беседовала об этом. Получалось не просто поучение, но через сердце проходящая живая речь, живительное осмысление. Я думаю, что каждому из нас очень полезно из богослужения брать себе что-то на память, цветочек такой вот, камушек драгоценный. Брать и нести, и сохранять в сердце своем, возвращать цветок Божьей любви.

Тогда будет обретаться богатство, в первую очередь духовное, подлинное богатство и благополучие. От Бога человек может получить только благо. Литургия, богослужения – это живая жизнь, а не какие-то формальные заклинания и не магизм. Это наше осознанное двустороннее общение с Богом: мы к Богу – и Бог к нам.

Об оглашенных и воцерковлении

– Касаясь литургической жизни, хотелось бы прояснить и такой часто возникающий вопрос: имеет ли право участвовать в богослужении нецерковный человек, в частности, может ли он присутствовать на Литургии?

– Не церковный, но крещеный, так?

– Не всегда это известно, но вот, к примеру, если в этом положении находится человек, который себя церковным не считает, но хочет начать свое воцерковление.

– Ну что ж, пусть присутствует. Конечно, если говорить строго по канонам, то в древние времена из храма изгонялись оглашенные... Но мы-то живем в наше время, когда после войны многих деток и тайно родители крестили, а теперь человек вырос и, может, даже не знает о себе, крещеный он или нет... Если бы мы знали наверняка, в каждом конкретном случае...

А вот в некоторых приходах люди выходят, там, где действительно есть по-настоящему институт оглашения, но это теперь большая редкость.

Были мы как-то в одном американском приходе, и там был оглашаемый, взрослый, серьезный дядя, и священник во время Литургии оглашенных читал специальную молитву. Но тот оглашаемый оставался все-таки в храме и в течение года таким образом ходил. Кто-то даже пошутил по этому поводу, что «батюшка его долго не крестит, потому что тогда совсем не будет оглашенных».

Но я думаю, что раз уж человек приобщается, то не так страшно, если он будет с нами на богослужении, даже если он еще не созрел, не готов пока. Полагаю, он таким образом, соприкасаясь с литургической жизнью, расти будет в Церкви.

Мы затронули американскую историю, а у нас на приходах сейчас практикуются встречи, даже и неоднократные, на которых людям дают основные понятия, самые главные правила церковной жизни. Впрочем, все дороги, которые приводят к Богу и в Церковь, у людей разные. Вот недавний пример. Крестился серьезный взрослый человек. Он осознанно, конечно, к этому подошел и почитал литературу перед совершением Таинства, с ним, может быть, не надо было особо много беседовать, он понимал, что делает. У него был крестный, церковный человек, с которым он тоже общался, так что и пришел серьезно, и ясно понимал, что и для чего делает. В таком зрелом возрасте крестного у крещаемого может и не быть, человек сам уже отвечает за свои поступки. Но тем не менее, если крестный отец, который поможет ему войти в ограду церковную, есть – это очень хорошо.

Я думаю, что оглашение нужно, может быть, не на год, по нашим временам это многовато, но известное время для вхождения оглашаемых в церковную жизнь необходимо. Хотя в какой-то мере священник знает свою паству, свой приход и может, и должен поработать с людьми, прежде чем приступить ко Крещению.

На что следует обратить внимание? Святейший Патриарх часто говорит о том, что Крещение должно быть погружательным, мы должны погрузить крещаемого человека в воду, если есть такая возможность. То есть мы не крестим обливанием или даже окроплением, как иногда на Западе, но крестим погружением.

Церковная жизнь и жизнь «в миру»

– А можно ли противопоставлять церковный образ жизни – обыденной жизни, мирской, полностью отрицая второй способ существования как греховный? И как же тогда я могу помочь своему ребенку подготовиться к жизни, чтобы он и образование получил, и мог создать семью, содержать ее...

– Ну конечно же, крайности неуместны. Человек живет, радуется жизни, так или иначе благодарит Бога. Есть же простые невинные радости: это и общение с природой, и радость материнства, и многие другие, которые не уведят человека от Бога, а при внимательном взгляде, наоборот, вызывают благодарение Творцу за то, что Он нас утешил, за то, что Он нас, недостойных, наградил Своими дарами, Своими благами. Радость от ощущения Божьего мира, от переживания Его творения – это великое дело.

И вот так постепенно, помня о Боге, помня о своем не достоинстве, мы стремимся к Нему, как растения к солнцу, теплу и свету.

Есть известные рассказы отца Павла Груздева, может быть, многие знакомы с ними. Там приводится такой пример: в послевоенные годы из одного казахского совхоза не было никаких известий, только какие-то странные слухи шли. И в центре решили узнать, в чем там дело. И вот приехали уполномоченные, пришли в правление, а там никого нет. И если я не исказю, дело было в том, что в этом колхозе жил священник-иеромонах, который раньше там служил и который всех жителей постриг в монашество (!), от самых старых и до самых малых. Малые между собой, естественно, ссорились. И представьте себе такую картинку. Ревет малыш: «Мамка, меня отец Лука обижает», – а этому «отцу Луке» всего несколько лет, пять или шесть – неважно. Да и «мать Меланья» – тоже малышка... А батюшка залез на колокольню и смотрит, когда же придет антихрист. Да еще и председатель был тоже монах, все кругом монахи. Таким образом они там у себя ждали Второго пришествия. Сама по себе ревность похвальна, но когда она выглядит таким образом...

Есть замечательная русская пословица: умирать собирайся, а рожь сей. То есть рожь сеем, живем здесь, а готовимся туда. Мы же знаем, что должны быть гражданами неба. Но этот постепенный переход из жизни временной в жизнь вечную не отменяет наших земных обязанностей.

Мне кажется, нельзя быть простыми потребителями земных благ, но обязательно надо помнить и благодарить Бога за все, чем Он нас награждает. И таким образом мы сможем царским путем идти вверх, к небу.

Об обязанностях перед ближними и церковности

– Часто люди, обращаясь в веру, не знают, что им делать с прежними обязанностями, от чего в своей жизни они должны сразу отказаться, с какими обязательствами можно не спешить порывать...

– Этот вопрос давно известен. Часто люди, приходя в Церковь, начинают переосмысливать всю свою жизнь, заботы, тревоги, обязанности, права. Подчас они готовы сейчас же разрубить все, враз изменить все прежние отношения и начать жить по-новому. Отнюдь не всегда это бывает разумно. Может быть, казино и тому подобное необходимо срочно оставить, ну а, скажем, научно-исследовательский институт или другое что-то, что само по себе не вредит душе... Человек ведь должен измениться в себе, прежде всего внутренне, а тогда вокруг него может поменяться и сама обстановка. С Божьей помощью все трудности преодолеваются, через них можно, а иногда бывает и полезно пройти. Главное – самому не участвовать в том, что мы осуждаем, потому что бывает, сами осуждаем и сами же делаем.

О семье. Если это сынок или дочка или, может быть, муж или жена, не должны они запросто порвать с ближними и уйти. Надо изменяться, а изменение должно начать с самого себя. Нельзя, не надо спешить с резкими переменами, целиком менять все внешние формы. Прежде всего внутренне нужно настроиться, вызреть, и тогда уже Господь Сам увидит, что нужно сделать... Он Сам человека вразумит и настроит. Если мы в Него верим, то Он Сам и даст нам, что нам надо, по нашей вере. Господь призывает нас идти срединным, царским путем. Некоторые молодые люди, приходя в храм, почему-то решают бросить вузы, свою работу. Но Церкви нужны люди, обладающие знаниями, умениями, опытом. Как живой организм, она расширяется, обнимая многие области в нашей жизни, очищая их и освящая Светом Христовой любви. И многие умения, навыки, знания могут найти применение в нашей Церкви.

Конечно, у каждого может быть своя конкретная ситуация, но каждому Господь дает силы, возможность достойно пройти, пережить ее.

Часто приходится слышать вопрос, какие обязанности выше – перед семьей, работой, учебой или церковные. Я не знаю, можно ли так ставить вопрос: выше или ниже. Мы отвечаем за то, чтобы с честью делать всё, что на нас возложено.

В любом положении надо исходить из конкретных обстоятельств: что я могу? Если я не могу быть на Литургии на двенадцатый праздник, то буду хотя бы накануне вечером. Буду на части богослужения, если полностью не могу, если занят. Либо может быть так: я приду не на позднюю Литургию, а приду на раннюю и просто свечу поставлю – уже Господь видит. Господь невозможного от нас не требует. Он ждет от нас только возможного.

И еще о семье. Ревность не по разуму вредит семьям, особенно молодым. И бывают такие случаи, когда проходит не один год совместной жизни, и расходятся даже немолодые супруги. Бывает, один супруг говорит другому: «Мне никто не помогает, я больше не могу переносить таких отношений». Другой супруг начинает охать – но уже поздно, сделать ничего нельзя.

Я думаю, что обязанности перед ближними надо выполнять в первую очередь. Господь не обидится, мы Бога не можем обидеть, Он всё видит и всех знает, Он любит каждого. И того мужа, который не идет в Церковь, и ту жену, которая стремится все благочестивые правила исполнить. Так что, я думаю, всё должно быть разумно...

О служении Богу, ближнему и Отечеству

Что такое спасение? Спасение и грех

– Батюшка, Вас наверняка неоднократно спрашивали: Церковь часто говорит о спасении, в ней утверждают, что Церковь нужна для спасения, а что такое спасение, от чего мы спасаемся?

– От греха спасаемся. Мы должны бежать от греха, и мы бежим от него. Грех – это зло, смерть при жизни. В Евангелии даны заповеди, есть закон. Мы этот закон нарушаем, переходим через черту, вот это уже и есть грех.

Сейчас понятие греха смягчается, размываются его границы. Например, в Греции поднимается вопрос: если я совершаю любоддеяние не за деньги, то, может быть, это не грех? Полагаю, мы не должны ничего выдумывать от себя, а возвещать то, чему учит Евангелие, о чем говорит Святая Церковь.

Конечно, мы различаем грех вольный и невольный, хотя большое и малое здесь – достаточно условные категории. Тем не менее грех, совершенный делом, – иной, чем совершенный словом или же совершенный мыслью. Мы знаем степени греха, знаем, что есть прилог, сочетание, пленение, – это все мысленный грех, когда он только появляется. Если зарождается греховная мысль, а мы ее не отринули, начинаем рассматривать ее – мы уже попадаем в сети греха. А потом, рассмотрев, уже увлекаемся и, может быть, совершаем грех делом.

Есть разные категории греха, по-разному с ним и боремся.

Очевидно, для больного – один подвиг, другой – для здорового. Для путешественников – своя мера. Хотя некоторые люди это путешествие пытаются порой растянуть на всю жизнь. Ну а для действительно немощных, естественно, тоже свой подвиг и своя мера...

Священник не может благословлять на грех, не может сказать, положим, что вы вправе нарушать пост, но он может, в силу апостольского установления, разрешить от греха. Допустим, если человек не может поститься по извинительной причине. Но есть еще и снисхождение Церкви, и снисхождение, будем надеяться, Божие к нам, грешным.

В конечном итоге все сводится к следующим словам: «Сыне, даждь Мне твое сердце». Именно из этих слов должен выстраиваться основной вектор нашей жизни. Главное, чтобы сердце принадлежало Богу. Если я могу жить, не нарушая поста, – очень хорошо. Если у меня, в силу немощи какой-то, не получается – Господи, прости! Самое главное, жизненно важное – служение Богу сердцем, душой и телом насколько возможно. Иоанн Златоуст, рассуждая о милостыне, говорит: дай Богу не меньше силы своей. А тут уж каждый может испытать себя сам, какова его сила. Наверное, особенно полезно прилагать силы к духовной борьбе с грехом, который стремится поработить нас изнутри. Это – достойная человека цель.

В борьбе с грехом на каждого возлагается личная ответственность, можно просто по Евангелию сказать: через нас имя Божие или прославляется, или хулится. Если мы подлинно здоровые ветви этого цветущего дерева, если мы прославляем Бога в своих делах, словах, в жизни, тогда мы эту ответственность несем, и добрые плоды свидетельствуют о том, что мы добрые члены Церкви Христовой. И наоборот, через нас, а особенно через священнослужителей, если мы отрицательные примеры подаем, через нас имя Божие хулится и Церковь находится в унижении. Это надо ясно понимать и всегда об этом помнить.

Что такое духовная жизнь?

– А что такое духовная жизнь? Об этом издана масса литературы. Как в ней не утонуть, верно разобраться в таком емком понятии, как духовность, духовная жизнь?

– Духовная жизнь – жизнь в Духе, жизнь с Богом, жизнь по заповедям. Это такой образ жизни, при котором все наши дела, мысли и чувства выстраиваются по Евангелию, так, как учит Святая Церковь. Есть заповеди евангельские, заповеди церковные; мы по ним проверяем себя, насколько живем во Христе, насколько наши поступки совершаются по Богу. Моя христианская совесть подсказывает, правильно ли я поступаю.

У святителя Феофана в книге «Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться» есть замечательный пример простой старушки, которая дожила до такого времени, когда и говорить ни о чем греховном, суетном не хочется, руки ни к чему пустому не поднимаются, не лежат, а с детства ей запала как заноза мысль в сердце, как бы Бога не прогневать. И вот с этой мыслью она прожила девичество, замужество, вдовство. Дела были самые обычные: заботы, тревоги, – но мысль эта жила в ней, и она ею как бы убедилась. Все ее мысли, стремления были как бы осолены солью духовной, евангельской. И вот теперь она уже приходит ко Христу. Вроде бы и просто, а попробуй прожить жизнь в такой духовной и душевной чистоте!

Мы советуем начинать любое дело словами и чувством: Господи, благослови, Господи, помоги, – а заканчивать благодарением. Хорошо еще перед началом подумать: зачем я это дело делаю, зачем мне это нужно? Насколько оно мне будет душеполезно, не окажется ли душевредно, и тогда не лучше ли отказаться от него?

При такой настроенности вся наша жизнь будет направлена на богоугождение. Большими и малыми делами, самыми разнообразными, любой профессией, любым своим делом мы можем быть с Богом по внутреннему своему расположению. В этом и будет проявляться духовность нашей жизни.

Есть глубокая внутренняя связь между церковной и духовной жизнью. Ведь опыт церковный – это древний опыт, который ведет нас непосредственно ко Христу.

Важны дела, которые мы творим во имя Христово, то есть дела, которые могут быть и малыми, выглядеть не очень значимыми, но следует направлять их именно на то, чтобы угодить Христу, чтобы послужить ближнему своему. Вот что важно.

Если речь идет о посте, то не о «совершенном посте», который, как говорят Святые Отцы, есть «неядение». Нет, мы не говорим о том, чтобы совершенно отрешиться от пищи, но мы говорим о том, что пост – это не только воздержание от пищи, но – в первую очередь – исправление души. Пост – это особое время и настроение, когда все наши мысли и чувства должны быть посвящены Единому, особенно Великим постом. Церковь готовится к этому заранее, готовит нас, своих чад, и препровождает это время покаянием. Отсюда и настроение должно быть соответственное. В нас должно быть не просто покаяние в духе, но должны быть дела, которые подтверждали бы это наше внутреннее настроение. Мы обязаны исправляться, не намереваться только, но и становиться другими – лучше, добрее, внимательнее к нуждам ближних. Ради Бога и ради собственного спасения.

Духовное направление – это не просто отказ от угождения плоти, но еще и стремление к борьбе с собой. В ней важны, наверное, даже не наши победы, а именно сама борьба. Святитель Тихон Задонский говорит, что наше спасение совершается не от победы к победе, а от поражения к поражению. Но идет тот, кто упал, встал и дальше пошел.

Нельзя забывать, что основная цель, та, о которой люди часто спрашивают: «А что есть цель жизни?» – это стяжание Духа. Ну а проявление Духа – это плоды Духа, которые мы должны стяжать: мир, радость, кротость, долготерпение, милосердие. Все это и будет

тогда как отсвет, отблеск на всей нашей жизни, тогда мы будем помнить о том, что Господь милостив к нам, что Он награждает нас такими дарами.

О духовнике и духовничестве

– А какое место в духовной жизни воцерковляющегося занимает духовник? Иногда можно услышать: раз у тебя нет духовника, значит, ты не до конца церковный человек...

– Категоричность неуместна, она всегда неумна и не приносит доброго плода. Если сегодня у тебя нет духовника – может быть, просто ты еще не нашел его, а может быть, духовник тебя еще не увидел. Помните, наверное: кто-то там летал, а Бога не видел. Ему тогда и говорят: ну и что, ты Бога не видел, а Бог-то видел тебя. Так что причины могут быть всякие, может быть, духовник для него еще, шутят иногда, не вырос. Говорят же: был бы послушник, старец найдется. Вот у нас в Данилове бывает, что человек еще не рукоположен во иеромонаха, а уже есть люди, которые знают: когда он станет иеромонахом, они пойдут к нему на исповедь.

Правда, мотивы бывают и особенные, забавные, что ли. Условно говоря, две женщины после общей исповеди между собой рассуждают, к кому они пойдут. Одна говорит: «Я пойду вот к этому». – «А почему, ты его знаешь?» – «Нет, он красивый».

Все может быть. Конечно, сердце сердцу возвещает, но, естественно, сердце человека должно располагаться к духовнику на духовной основе.

В духовной жизни по-разному все происходит. Разумеется, не часто, но могут сложиться такие отношения, когда духовник полностью руководит пасомым. Если ему – еще раз замечу, полностью – вверена судьба, в таком случае духовник берет на себя ответственность за всю жизнь находящегося у него в послушании. Конечно, есть такие примеры и сейчас – и в России, и где-то в мировом Православии, несомненно, без этого быть не может, – но чаще всего все-таки духовник советует. Советует и рекомендует, а человек должен решать в соответствии со своей свободной волей, он и должен эту свободную волю направить на исполнение благословения.

С другой стороны, мы, подчас не давая себе отчета, не осознавая, говорим: как меня благословят, так я и поступлю. Но это слово серьезное, и если мы так заявляем, тогда надо благословение исполнять. Святые Отцы говорят, что брать благословение и не исполнять его – это плохо. Так что тут обоюдная ответственность – и духовника, и пасомого. Каждый отвечает за свои действия.

Но во всем и прежде всего – любовь. Да, есть советы, есть и наша немощь. Очень хорошо, когда можем и исполняем. Ну а нет, тогда уж: Господи, помилуй, прости.

О молодых людях и Церкви

– Вы много общаетесь с молодежью, наверное, помните молодых людей конца советского времени, люди перестройки прошли перед Вами тоже, наверняка Вы знаете каких-то молодых ребят, которым сейчас по 17–18 лет. Какие у них особенности, у современных молодых, как изменения жизни в стране повлияли на молодежь?

– Влияние перемен заметно. Молодежь теперь в курсе всех событий, она активно пользуется всеми достижениями науки и техники, через нее проходит очень много информации. Это не страшно, если есть контроль и самоконтроль, важно, чтобы человек мог управлять собою. Можно услышать: компьютер – это зло. Другие говорят: а как же без компьютера работать, жить? Что ж, и то и другое высказывание может оказаться справедливым. Если мы пользуемся компьютером во благо – положим, слушаем Священное Писание и распростра-

няем его, сообщаем другим о жизни Церкви или своего прихода, делимся опытом своим – это же все хорошо. Ну а о плохом использовании информационных технологий, о всяческой лжи и говорить лишней раз не стоит, это все и так у всех на слуху.

Вообще, молодость – это очень хорошее время. Дай Богу юное, горячее, горящее сердце и последуй за Ним, и следуй за Ним всю свою жизнь. И старайся, чтобы все было, как говорит Апостол, ради Бога. Едим ли, пьем ли, мы все должны делать ради Бога. И еще у него есть слова: *все мне позволительно, но не все полезно... ничто не должно обладать мною* (1 Кор. 6, 12). Вот это – *ничто не должно обладать мною* — очень важно понимать молодым людям.

Господь судит каждого человека по делам его, по намерениям, по итогам жизненного пути. Когда Господь призывает к Себе юных, им легче с собою бороться, чем людям уже сложившимся, у которых и груз грехов потяжелее, и круг обязанностей пошире.

С молодыми интересно работать, они легко и чисто воспринимают евангельское слово, и задача пастырская заключается в том, чтобы это слово укоренилось и дало хорошие всходы.

Особенно приятно и радостно работать с детками, в нашей воскресной школе. Хотя, надо заметить, у них теперь меньше послушания, дети стали более грамотными, более умными, более развитыми, даже и в церковном плане. Если эти традиции прежде в семье черпались, то сейчас у нас есть воскресные школы. И то, что раньше казалось несбыточным, сегодня вполне реально. Мы знаем множество примеров, когда дети воцерковляют своих родителей и своих родственников. Такие вот у нас новые вехи времени.

О воцерковлении молодежи

– Опираясь на свой опыт, скажите, пожалуйста, решение каких проблем молодой человек ищет именно в Церкви? В связи с этим какие задачи стоят перед молодежными центрами?

– Прежде всего молодому человеку нужно найти себя, «встретить» собственную личность. Необходимо обрести свое «я», почувствовать свое единственное и неповторимое место в жизни. Это важно для всех, но особенно для молодых.

А если говорить о конкретных вещах, то часто люди мечутся в поисках, ищут профессию, свое окружение. Кончая школу, многие еще не созрели для того, чтобы пойти по жизни прямо. Подчас к самой жизни бывает не очень серьезное отношение.

Еще печалит отношение многих к браку, к семье. У иных оно еще не сформировалось, а у некоторых и вовсе бывает незрелое, негативное. Мне кажется, зачастую люди ищут себя и позволяют себе в этих поисках ходить разными путями, разными методами осваивают жизнь, совершая при этом довольно много грехов.

Иногда они в Церкви ищут способ разрешения своих жизненных проблем, а иногда приходят уже с покаянным, сокрушенным сердцем.

В соответствии с потребностями, нуждами молодых и задачи стоят разные, большие и малые. Мне кажется, прежде всего необходимо воспитание патриотизма. Мы должны любить свою Родину, должны служить ей, должны быть едины в своих устремлениях. Церковь нам может помочь, поскольку церковным людям не надо рожать какой-то идеи, она у нас есть: служу Богу, служу ближнему своему, служу своему Отечеству. В нравственном плане это происходит в виде очищения себя и опять же служения ближнему своему. Макарий Великий говорил, что нельзя нам спастись иначе, чем через ближнего своего.

Важное дело для молодежных центров – научить человека любить и знать богослужение. С книгой они познакомятся, но если они знают церковный настрой, который дает и направляет богослужение, они уже и сами найдут соответствующую литературу: толкования, переводы, богословские труды, жития, в зависимости от духовных запросов и интере-

сов. Бывая в храме, они, конечно, приходят к Таинствам церковным, значит, либо в центре, либо в другом месте почувствуют необходимость, нужду в духовном руководителе, и тогда их церковная жизнь, будем надеяться, состоится.

Центрам, наверное, следует активнее организовывать общение молодых людей, проводить беседы на разные темы. Надо, чтобы жизнь осмысливалась под этим углом, через призму христианских ценностей. Разные формы могут оказаться уместны. Помимо молодежных встреч это могут быть и музыкальные вечера, и спортивные соревнования. Все может принести пользу, если делается с умом и искренней любовью, к которой молодые люди особенно чутки и в которой испытывают особенно острую потребность.

О поисках своего места в Церкви

– Наверное, при таких центрах следует иметь, если можно так выразиться, молодежный приход. Вот в центре мы говорим какое-то слово, что-то свидетельствуем, и тут же, в этой же молодежной среде и с теми же священниками, которые ведут у нас занятия, человек может найти свое дело и место. К сожалению, мы видим, что многие не находят своего прихода, своей общины при воцерковлении. Ведь иногда храм, который рядом с домом, по каким-то причинам не устраивает человека, и тогда человек мечется очень долго. Как бы ему можно было помочь обрести общину, свой приход?

– Может быть, следует быть активнее, как-то привлекать этого человека. Это неплохая мысль – о молодежном богослужении, есть же у нас уже, слава Богу, в Надвратной церкви служба, где теперь малыши молятся и поют сами. Вот и молодежи нужно, хотя, кажется, задача такая уже поставлена.

Кроме того, таким образом реализуется свобода человека, когда он выбирает приход и находит себе духовника. Святые Отцы говорят: духовники могут быть умные, строгие, веселые, добрые, но это – черты характера, а прежде всего, конечно, духовная направленность. Ну вот, наверное, каждый и ищет общину для себя.

Настоящая радость и для человека, когда он обретает свой приход, и для общины, когда в ней появляется новый брат или новая сестра. Иные христианские конфессии умеют по такому значительному поводу организовать праздник...

А вообще, то, что человек ищет свое место, свой приход, – это неплохо, нет в этом никакого порока. Конечно, если он молится о том, что ему полезно, то Господь на сердце это положит и поможет осуществить.

Вот немножко другой пример, но тоже о свободе выбора. Речь о монастыре пойдет. Некоторые, уже решив поступить в монашество, приходят и спрашивают, в какой монастырь им идти. Бывает, что и конкретное что-то можно посоветовать, но чаще всего человек сам должен выбрать.

В «Жизнеописании подвижников благочестия» написано о старце Данииле Ачинском. Духовная дочь задала ему вопрос: «Батюшка, в какой монастырь мне пойти?» Он говорит: «Сама выбирай. Где Господь на сердце тебе положит, там и оставайся. Потому что если я тебе назову монастырь, а там тебе будет плохо, ты будешь роптать на меня. А сама выберешь, там и будет тебе полезно жить». Пошла она в Иркутский Вознесенский женский монастырь, заиграло сердце, и там она и жила. Стала игуменьей потом и спасалась...

Так что, можно сказать, свобода тут как раз уместна, она в таких случаях должна быть. Обычно люди приходят к духовнику, потом приводят своих знакомых, друзей, родственников: мол, прииди и виждь. Пришли, увидели: устраивает, удовлетворяет, все хорошо, остаются здесь. Не понравился, пошли к другому батюшке, в другой приход.

Да, слава Богу, теперь есть выбор.

О просвещении, любви и милосердии

– Как Вы полагаете, должно ли церковное просвещение отвечать, скажем так, запросам времени?

– Непременно. Человек должен усвоить истину и сердцем, и умом, и всем своим мышлением, и ему в этом надо помочь, согласно образу мышления, в соответствии с понятиями, которые ему близки и отвечают его запросам. Конечно, Катехизис митрополита Филарета всегда уместен, он должен быть основой, основой на оглашении. Но интерпретировать его следует в современном понимании, говорить современным языком, на современных примерах показывать вечную жизнь евангельской истины. Иначе как мы поймем, Кому мы молимся, о чем мы молимся?

Церковь и раньше бывала внимательна к своему времени. Просто это не всегда заметно, поскольку каждое время дает свои запросы. Вот интересный пример: кажется, церковная жизнь умирала в 20—30-е годы, а с другой стороны, она как бы произросла поновому. Известный пример Данилова монастыря: ссыльные архиереи здесь менялись один за другим, потому что в то время их в епархиях отрешали и присылали сюда. И вот здесь, в Даниловом, владыка Феодор организовал нечто вроде академии, продолжил дело церковного учения.

Или просто приходская жизнь: мы знаем пример праведника отца Алексия Мечева; знаем о сестричестве, о богослужении, знаем и проповеди, и крестные ходы. Хотя, когда я спрашивал у людей, которые жили в то время, как они видели свою ситуацию, когда власти организовывали «безбожные пасхи», мне отвечали, что не надеялись на какое-то возрождение и воскрешение. А сейчас мы видим, что вера этих мучеников дала всходы, они стали еще одной основой Церкви. Так и мы должны откликаться на современные запросы как умеем, как можем, как Господь нас вразумляет и умудряет.

Я думаю, что надо возрождать внебогослужебные беседы, внебогослужебные проповеди, какие проводились еще до революции. Тогда и характер отношений может возникать иной, более теплый и близкий человеческому сердцу. Один образ общения – на богослужении, другой, более простой, – вне его. Тем более что многие недавно пришли в Церковь, они должны увидеть в священнике, в пастыре и друга, и, может быть, старшего брата, и человека, который легко и спокойно общается с ними.

Может быть, обретая такие отношения, молодые люди не будут бояться утратить свою свободу, ложно понимая под свободой обыкновенную вседозволенность. Тогда и заповеди евангельские, которые мы знаем, по которым должны жить, если даже и не живем, будут для всех нас четким ориентиром, которым надо руководствоваться. И то, что Святые Отцы учат о мире как совокупности страстей, человеку легче будет преодолевать.

Ясно, что человек вмещает то, что может вместить, но мы ему в этом должны помочь. Мы – ему, а он – себе. А то, бывает, иногда приходят и говорят: «Я не могу поститься, особенно Великим постом». Его спрашивают: «Ну а вы пробовали, вы постились?» – «Да нет, не пробовал». Но тогда о чем говорить? Нужно прежде попробовать. Под лежащий камень вода не течет.

Ну и еще, к большому сожалению, в наше время бывает, что люди столкнулись с какими-то отрицательными явлениями в Церкви, и это наложило на их восприятие определенный отпечаток. (Знаете, после трагедии в развлекательном центре «Трансвааль-парк» в Ясеневе было много откликов, не всегда разумных и согласующихся с христианским отношением к горю, беде ближнего. Мы христиане, и с нас спрос больше. Если мы церковные и мним себя чуть ли не какими-то особенными людьми, конечно, мы не вправе предъявлять к

другим какие-то претензии. При такой трагедии должно быть не обличение: ах, вот где они оказались и что с ними случилось, – а, наоборот, боль сердца. Сострадание тому,

что люди еще не знали чего-то, что такое страшное с ними произошло. Если мы христиане, то можем только сопереживать и молиться, чтобы Господь живым дал здоровье, а умерших помиловал, простил. Это – прежде всего, потому что Бог есть любовь, и только любовью можно воспитать человека.) И вот люди знают, что Церковь – это серьезно, это основательно, подчас довольно строго – с одной стороны. А с другой стороны – и человеку следует, может быть, глубже созреть, чтобы более основательно прийти в Церковь. А уж мы должны ему помочь, помочь словами, делами, молитвою, любовью...

О жизни вечной и образе человеческом

– У отца Василия Зеньковского встречается высказывание, что, с точки зрения христиан, перед воспитанием человека стоят две задачи. Это, с одной стороны, подготовка к этой жизни, а с другой стороны – подготовка к жизни вечной. Как понять эти слова? А еще как понять, при решении жизненно важных вопросов, что Господь с тобой? Не понять – может быть, почувствовать...

– Сказано ведь, *Божий Дух дышит идеже хочет* (Ин. 3, 8). Поэтому веяние Духа Божия, конечно, может отражаться в сердце каждого из нас. Но я думаю, что это может произойти, когда человек старается уподобиться Христу. Подражать в буквальной мере Христу мы не вправе, а уподобляться, приближаясь к Нему, как тьма к Свету, наверное должны. Как сказано в Минее, «древом крестным просвети и спаси мя». И вот когда мы приближаемся ко Христу, то воспринятые от Него милосердие, кротость, любовь должны явиться в сердце каждого из нас, и это будет говорить о том, что Господь с нами. Кроме того, тихость Духа каждый, наверное, чувствует еще тогда, когда он умиляется, когда радуется, когда, может быть, печалится о своих грехах с намерением исправиться. Проявление Духа разнообразно и многообразно... Это проявление Вечности, жизни вечной.

Вспоминаются слова святителя Тихона, Патриарха Московского и всея России. Мы все знаем, в какое трудное время он жил и в каком положении находилась Церковь, помним и разные тогдашние нестроения. И вот им была высказана мысль, что не только к смерти надо подготовиться (тогда это было легко, как мы знаем), а именно к жизни – жить. Еще у святителя Филарета, митрополита Московского, есть интересное выражение: «Жизнь жительствует».

Здесь, на земле, мы должны жить свято, должны жить богоугодно, и то, что мы здесь посеем, то там, в будущей жизни, даст свои всходы. Мы знаем, что мы должны будем дать ответ Богу за каждое слово, дело, за каждую свою мысль. И чем мы чище живем здесь, тем больше от Бога будем награждены там.

Но важно именно здесь достойно прожить данную нам жизнь. Например, один архиерей Русской Православной Церкви, поздравляя новоначального инока, сказал: «Поздравляю тебя, что ты принял образ ангельский, но желаю тебе не забыть образа человеческого». Так вот, живя здесь, на земле, и устремляясь на небо, мы должны все постепенно совершать. Вероятно, этот переход подразумевал преподобный Иоанн Лествичник: «Если увидишь молодого, возносящегося на небо, то дерни его за ногу». То есть Царствие Божие должно возрасти прежде всего в нас, внутри нас. Уже потом мы просим постоянно, на каждом богослужении «доброе ответа на Страшном Судищи Христове».

Мы знаем о себе, что не самодостаточны, но являемся Божиим творением и только Бог распоряжается нашей жизнью. И она должна быть, соответственно, Божией.

Господь всякого человека призывает, есть удивительные примеры, когда человек, положим, не знал Бога, уж и не говорится тут о церковности какой-то, а перед смертью где-то у

него в сердце пробудилось чувство, и он поисповедовался, причастился и чуть ли не в этот же день умер. И тогда говорят: если человек причащается в день отшествия, то, по слову святителя Иоанна Златоуста, душа его не проходит мытарств, направляется прямо в Царствие Небесное.

Милосердие Божие и любовь Божия непостижимы и бесконечны.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ



О церковных Таинствах и духовничестве

Я думаю, мы все знакомы с таким понятием, как *духовная жизнь*, она начинается тогда, когда человек приходит к Богу, и еще в большей мере, когда человек приходит в Церковь.

Господь любит нас, мы знаем это, Он любит нас больше, чем мы себя любим, Господь любит нас как отец, любит как мать, любит нас как детей непослушных, но, тем не менее, мы и непослушные – все Его дети.

Господь ходил по земле и возвещал Свое высокое учение, и призывал прежде всего любить Бога, любить ближнего своего. Он оставил нам эти Свои заповеди, оставил нам Свою Святую Соборную и Апостольскую Церковь. В Церковь каждый приходит по-своему, и Церковь у каждого ассоциируется, может быть, со своими событиями в жизни, сложностями или, наоборот, с радостями. Я думаю, что каждый из нас переживал чувство благодати и силы Божией в храме тогда, когда принимал участие в Таинствах.

У людей, которые много лет живут в Церкви, есть, вероятно, воспоминания о первой исповеди, о первом Причастии. Вспоминаются праздники, которые совершаются ежегодно, но каждый год мы по-новому их ощущаем, всякий раз по-новому переживаем. События, которые реально совершаются в нашей жизни, вновь и вновь наполняют нас силою Духа.

Церковь наша – это Богоучрежденный институт, который Господь даровал живущим здесь, на земле, чтобы мы, живя в Церкви, руководствуясь Церковью, воспринимая этот церковный воздух, могли подняться на Небо.

Конечно же, это нелегко. Нелегко, потому что Царствие Божие есть царство добра, царство любви, царство мира, а здесь, на земле, мы часто встречаемся с противоположным: с несправедливостью, с жестокостью, с грубостью. Мы должны бороться не только, а может, и не столько с окружающим миром, но прежде всего, в первую очередь мы должны бороться с самими собою, и это самое сложное, самое трудное.

У Церкви есть Таинства, и Церковь, как благодатный институт, имеет великие средства для нашего исправления, для нашего спасения.

Одним из таких великих Таинств, к которому мы приходим прежде всего, является, конечно, Крещение, которое мы принимаем: кто-то в младенческом возрасте по вере своих родителей, кто-то уже сознательно приходя ко Христу. Тогда он сознательно отрицался сатаны и всех дел его, и служения его, и гордыни его, и обещал служить только Богу.

Второе Таинство, с которым мы часто соприкасаемся и через которое также совершается наше вхождение в Церковь, – это Таинство покаяния. Проживая жизнь, мы согрешаем, оступаемся, пачкаемся, нарушаем заповеди, часто противоречим сами себе, и вот Господь дал нам Таинство покаяния, в котором Он принимает наши грехи через нашего духовника. Духовник является свидетелем, который свидетельствует перед Богом об изреченных нами грехах. Господь невидимо стоит и принимает наше исповедание, чему священник является свидетелем.

Зачастую священник, принимающий исповедь, священник, который дает нам советы, направляет нас по жизни, является нашим духовником, духовным руководителем. Почему я говорю: зачастую, – потому что у нас могут быть разные духовные руководители, но, прежде всего, это священник, который знает нашу душу, который направляет нас.

Я думаю, что у каждого в жизни возникал вопрос: где найти духовника, кто это такой, как с ним общаться? Думаю, что вы встречали на своем пути священника, благодаря которому отозвалось ваше сердце и почувствовало благодать. Человек, к которому вы расположились, человек, который сказал вам, может быть, простые, но самые нужные слова, те, которые затронули вашу душу, которые он заронил в ваше сердце, и сердце ваше откликнулось на них. Важно, чтобы с вами произошло это.

Священник, прежде всего духовник, должен возвещать учение Церкви. У нас могут быть какие-то свои мнения, свои взгляды на жизнь, на отдельные положения, на церковные проблемы, но священник и духовник всегда возвещает нам истину, потому что истина в Церкви, истина в Евангелии. Он говорит нам волю Божию, согласно которой, если мы будем действовать, мы будем идти правильным путем и наследуем жизнь вечную.

Святые Отцы, а именно преподобный Симеон Благоговейный, говорят, что духовники бывают разные: умные, строгие, веселые, серьезные, – это проявление характера прежде всего, но главное, конечно же, духовная направленность. Ну а по-человечески, я думаю, каждому импонирует тот, кого Господь ему определил.

А вот когда спрашивают у Старцев, можно ли менять духовника, если он, положим, не отвечает каким-то внутренним нашим запросам, они отвечают: можно, но только осторожно. Надо посмотреть на себя: а что же мне в нем не нравится? Может быть, манера, голос? Много, может быть, нравится или, наоборот, не нравится, но прежде всего надо смотреть, насколько я получаю от него духовную пользу. Это – прежде всего, это – принцип жизни христианина: все позволено, но не все полезно.

Все события, все явления мы оцениваем, в первую очередь, с точки зрения духовной: насколько это полезно для моей души. И вот, вполне вероятно, священник, который нам не нравится, – не льстит нашему самолюбию, хотя вначале, может быть, и погладил по голове. Но потом он может воспитывать, может наставлять, говорить нам истины, которые не всегда соответствуют нашим взглядам, нашим мыслям, чувствам. И тогда следует реакция: мне этот батюшка не нравится, он слишком строгий. В других случаях иногда говорят наоборот: он слишком мягкий. Это не совсем верный подход, названные причины – не повод для того, чтобы сменить духовника, уйти к другому. Напротив, надо побороться за себя, побороться за батюшку, совершить брань в самом себе, чтобы остаться при нем.

Вы, наверное, знаете: первая любовь приходит и уходит, может и появляться еще какая-то любовь, возможно даже не одна... Но тем не менее первое чувство – радостное и трепетное, оно остается на всю жизнь. Так что надо еще и помочь духовнику, а мы подчас находим удовольствие в том, чтобы осудить кого-то, и говорим если не на своего духовника, то, может быть, на другого батюшку: а вот тот – такой. Да еще при этом радостно и весело смеемся. Но вправе ли мы так делать? Мы должны за всех молиться, чтобы все были хорошими, духовными.

От нас требуется мужество, от нас требуется стойкость, потому что когда мы слышим слово духовника, мы должны его исполнить, стараться, по крайней мере, исполнить. Святые Отцы говорят, что если мы берем благословение и не исполняем, то можем от Бога получить вразумление. Это важно для понимания каждого из нас.

С духовником решают разные вопросы, но прежде всего, конечно, вопросы духовные, вопросы насущные. Но услышав ответ, надо стараться его исполнить, внутренне быть готовым к этому. А то подчас человек приходит и говорит: «Как вы скажете? Как мне поступить?» – «Поступить нужно так». – «Нет, я так не могу, у меня так не получится». – «Ну, тогда вот так». – «И так я не могу». Ну что ж тогда делать, зачем же спрашивать?!

К преподобному Макарию Великому пришли люди и спрашивают: «Что нужно делать, чтобы спастись?» Он говорит: «Нужно поститься». – «Мы не можем». – «Нужно молиться». – «Мы не можем». Тогда он говорит своему ученику: «Свари им кашицы, они ничего не могут».

И вот мы часто, наверное, уподобляемся этим людям, которые кашу кушать готовы, а исполнять необходимое в жизни не желают, не имеют воли.

Естественно, сразу изменить себя невозможно, наверное. Хотя Господь может, конечно, изменить человека во мгновение ока, но это особый Промысл Божий, а обычно человек меняется постепенно.

Что считать признаком духовного роста? Смирение. Но это слово емкое, а что конкретно значит смирение, как оно проявляется? Вспомним слова преподобного Иоанна Лествичника, который говорит: мера духовного возраста познается по тому, насколько мы видим в себе свои грехи. Да, вот оно, смирение. Но не то красивое слово, когда мы говорим: ах, какой я грешник! Помню, одна маленькая девочка слушала, как каются старушки, подошла к бабушке и говорит: «Бабушка, я такая великая грешница!» Он спрашивает: «А что ж ты делаешь?» – «Семечки ем!» У нее был такой «великий грех»...

Так что, наверное, дело не в словах, не в том, как мы себя именуем, а в том состоянии, в каком мы предстоим пред Богом. Это даже и не назовешь объективной оценкой, потому что мы не можем себя объективно оценить. Но вот именно: Бог – и я, – когда мы не сравниваем себя с кем-то, не думаем о себе: вот я лучше Петра или лучше Маши, Даши, но именно так: вот Господь – и я.

Пред Богом ведь не скажешь: «Господи, я много тружусь, я много молюсь». Это фарисеевы слова, этот образ мысли нам известен, мы знаем, что это плохо, мы уже ему подражать не будем, мы будем подражать мытарю. Но насколько мы от слов своих переходим к делу, насколько слова у нас сочетаются с делом? Посмотришь внимательно, и все в ином свете выглядит.

Если мы стараемся всерьез трудиться над собою – нам дается духовник, руководитель на этом пути. Он дает нам направление, показывает нам истину, и мы должны приходить к нему, прежде всего, с верою, что через него действует Господь.

Об этом сейчас говорят, об этом пишут, об этом спорят, и даже люди церковные, люди, которые имеют духовные знания. Одни говорят: святитель Игнатий писал (и действительно, он писал), что нет теперь духоносных Старцев и теперь нам нужно читать только книги и книгами руководствоваться. Кто против этого что скажет? Мы не вправе говорить против святителя Игнатия.

Но святитель Игнатий в свое время писал также о старце Макарии Оптинском, которого мы сейчас почитаем, к которому обращаемся в молитвах, что у него дело не душевное, а духовное. И ученики, которые к нему приходят, выгодно отличаются от других. То есть он брал по высшей мерке, по мерке Святых Отцов первых веков. Да, часто мы немощны, слабы, но говорить о том, что теперь уже нет духовного руководства, я думаю, мы все-таки не вправе. Можно согласиться, что мы немощны, мы слабы, но если мы приходим к духовнику и ждем ответа, а через него – ответа от Бога, то по вере нашей, конечно, Господь нам и помогает.

Особенно умиляет вера простых людей. Они приходят к священнику и говорят: «Бабушка, благослови». Спрашивают благословение на свои простые житейские нужды, например женщина подошла и говорит: вот лето, у нее корова, ей нужно заготовить сено. Она говорит: «Очень трудно, бабушка, благослови...» Священник ее крестит, перекрестился, вздохнул о ней и, может быть, потом и не помнит. А она приходит и благодарит: «Вот, по Вашему благословию все получилось хорошо». Вот такие бывают нужды, такие житейские запросы, я уж не говорю о высших запросах духа. Итак, всех мы должны удовлетворить и всем подать помощь. Вот что очень важно, очень нужно.

Подчас мы начинаем испытывать, истязать священников, духовников и сравниваем их, сравниваем со святоотеческими примерами, сравниваем еще с кем-то, иногда эти сравнения не в пользу бабушек. Тем не менее мы знаем, что благодать действует. И благодать, если мы ее принимаем с верою, непременно нам поможет. Важно помолиться, важно не осудить. Это еще один важный и чрезвычайно серьезный вопрос.

Мы приходим и поначалу видим всех и вся святыми, а потом уже начинаем разбирать, как бы понимаем больше. И тогда нам кажется, что мы вправе других судить. Я думаю, что не вправе.

Что еще можно сказать о духовниках? Полагаю, у каждого может быть свой духовник, может быть один духовник для многих людей, но везде действует Господь, и это самое главное. Следует, я думаю, говорить духовнику о своих неудовольствиях на него, не осуждая, не разбирая его поступки, но набраться мужества надо. Надо сказать, что случилось: может быть, осуждали или иное что-нибудь. Если мы открываем это, то зло уходит, в нашей душе его не остается.

А если копим, решаем пойти к другому священнику и ему сказать... впрочем, для кого-то может быть и так лучше, чем совсем никому не говорить. Но все-таки если мы сообщаем все своему духовнику, то мы разрушаем это вражеское средостение между собой и им. Если не хватает мужества, не обязательно говорить подробно, но сказать по существу очень важно, потому что враг действует, он старается отвлечь. И еще Святые Отцы говорят: от кого мы получаем пользу, против тех враг особенно воздвигает нас. Это даже и признак: насколько для нас это полезно и насколько для нас нужно общение с духовником.

Как выбирают духовника? Думаю, многие уже этот выбор сделали и вам все это знакомо. Помолившись Господу нужно это делать. И к кому сердце расположится, того и выбирать, так и поступать, потому что Господь указывает, от Господа стопы человеку исправляются.

Духовник, конечно, за всех молится, и его молитва бывает услышана, и Господь подает по обоюдной вере просимое. Духовные дети, духовные чада – это прежде всего союз любви. Насколько мы храним любовь, насколько мы ее умножаем, насколько мы терпим друг друга – настолько крепко и наше духовное родство.

Духовничество в Даниловом монастыре... Практически все священники, за малым исключением, – все духовники, то есть они все исповедуют народ. В Греции иной опыт, там не каждый священник является духовником, только специально определенные священники. Вообще в Греческой Церкви, будь то Кипрская, Элладская, духовник назначается, и он имеет право исповедовать. А другой, рядом стоящий с ним, совершает Таинство Евхаристии, но не является духовником.

У нас духовниками могут быть почти все. Насколько мы хороши или плохи... наверное, и хороши и плохи, я думаю. Трудно говорить, что мы подвижники, далеки мы от первых Отцов, естественно. Если святитель Игнатий давно уже говорил о немощах духовенства, то что же о нас можно сказать... Да, немощные мы, но стараемся, по крайней мере пытаемся возвещать истину.

Когда к одной старице-схимнице люди обращались за помощью, она в смущении и в недоумении спрашивала у священника: «Как же мне поступить, что я должна?» А он ей говорит: «Ты представь, что сидишь в болоте сама, а другим рукой машешь: не ходите туда, где я сижу». Ну вот, может быть, и мы так же возвещаем другим спасение. Мы немощны, но давайте будем все-таки все вместе стараться исправляться.

К нам в Данилов монастырь легко поступить, пожалуйста, кто захочет – приходите. Но жить... Жить уже намного труднее, потому что, как мы говорили, это все-таки подвиг, понуждение. Пусть он невелик, пусть он нестрашный – не так, как Святые Отцы говорят: «Отдай кровь и примешь дух». Нет, но тем не менее эта суть понуждения остается...

Я же принимал монашество в Троице-Сергиевой Лавре, когда учился в семинарии. Поскольку все это житие монашеское в Лавре видно, пришел в монастырь и пока еще не жалею, что монах...

О спасении и заповеди любви

Основой нашего учения о вере, о Боге прежде всего является Евангелие. А в Евангелии какие самые главные заповеди? Самые главные заповеди, говорит Господь, – любить Бога и ближнего своего. Если мы эти заповеди будем исполнять в своей жизни, то этим самым мы и наследуем свое спасение, наследуем жизнь вечную.

Что такое спасение? Вот человек говорит: спасаюсь. За этим понятием стоит другое слово: избегаю, убегаю, ухожу. Ухожу от чего? Ухожу от греха, ухожу от порока и соединяюсь со Христом. Христос есть любовь. Бог, прежде всего, есть любовь. И тот, кто пребывает в Боге, тот пребывает в любви Его.

У преподобного аввы Дорофея, в душеполезных поучениях (с этой книгой следует познакомиться, потому что она написана для всех, в ней изложены основы аскетической жизни, то есть жизни, которая говорит о спасении), весь мир изображен в форме круга. В центре этого круга находится Бог, по радиусам к центру идут люди. И чем ближе они к Богу, тем ближе друг к другу, если мы представим себе круг и радиусы. Так становится наглядным: если мы служим Богу, служим ближнему своему, то, в конечном счете, служим себе во благо и во спасение.

Жертва Богу – дух сокрушен; сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит, – говорит пророк Давид в известном для нас 50-м псалме. В жертву Богу мы прежде всего должны приносить свою душу. Благодатью Духа Святаго совершается в сердцах жертва хваления, говорит преподобный Симеон Новый Богослов. Этой жертвой и создается сердце самое чистое, сокрушенное и смиренное, которое не имеет ничего собственного, сердце, которое не может вознестись гордостью. Потому что мы знаем разные характеристики, разные образы отношения Христа к миру. О Господе сказано, что Он любовь, также сказано, что Он *трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит* (Мф. 12, 20). Это указывает на Его непостижимые смирение и кротость. Вот и в нас должно быть не показное тщеславие, а именно это состояние, искреннее осознание своего недостойнства; и тогда просим у Бога, чтобы Он нас просветил. Есть такое выражение: подражать Христу. Мы не можем в полной мере подражать, мы к Нему приближаемся, как тьма к свету. Этим светом Своим Он просветил нашу тьму.

Говоря о законе, следует понимать: мы должны возлюбить ближнего своего, как самого себя, и любить Бога, должны научиться сочетать в себе эти две заповеди (а по сути, заповедь двуединую). Мы должны научиться растворить в любви к Богу любовь к ближнему своему, потому что от ближнего нашего, говорят Святые Отцы, совершается и спасение наше, и погибель наша. В любви к ближнему, как сказал Господь, проявляется и любовь к Богу. *Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне* (Мф. 25, 40).

Итак, чем полнее и исключительнее будет любовь человека к Богу, тем последовательнее в человеческой воле будет отражаться воля Божия, тем полнее будет отражаться Сам Бог.

Можно рекомендовать для ознакомления книгу святителя Иоанна, митрополита Тобольского, которая называется «Илиотропион». «Илиотропион» означает в переводе с греческого «подсолнечник». Почему подсолнечник? В этой книге святитель Иоанн говорит о согласовании воли Божией с волей человеческой. Как подсолнух поворачивает свою голову за солнцем, даже в мрачную, ненастную погоду, так и человек должен всегда к Богу обращаться, всегда искать волю Божию, всегда любить Бога, а любя Бога, всегда исполнять Его заповеди. И чем полнее и исключительнее будет любовь, тем согласованнее будут воля Божия и жизнь человеческая.

Примирение должно распространяться на всю нашу жизнь. Если мы любим Бога, значит мы любим ближнего, если любим ближнего, значит уступаем ему, значит смиряемся, зна-

чит не превозносимся, не осуждаем. Это как гимн любви у апостола Павла из Первого послания к Коринфянам, 13-я глава: любовь не превозносится, не раздражается, не ищет своей выгоды, не мыслит зла, не радуется неправде, а радуется истине... Такая любовь должна присутствовать в нас. Бог ради этой любви к человечеству снизошел к нам, Он и от нас требует ответного чувства. И насколько оно будет горячо и искренне, настолько мы будем любимы Богом.

Когда об Иоанне Богослове говорится, что он был любимый ученик у Господа, то это значит, что и он любил Господа больше всего.

Те, кто знаком со сказаниями о подвижниках, с патериками, с отечниками, может быть, помнят эти примеры послушания, стало быть, и любви. Одному Старцу говорили, что он любит одного из своих учеников больше, чем других; отцы хотели его, может быть, и обличить. По крайней мере, задали ему вопрос об этом ученике. Он же ответил на этот вопрос таким образом: «Я вам сейчас покажу», – и пошел по кельям. Стал стучать в каждую келью и вызывать своих учеников, называя их по имени. Проходит, а ответа нет. Назвал того ученика, к которому он был особенно расположен, и тот сразу же вышел. Вышел из кельи навстречу своему наставнику, а Старец потом показал прочим отцам, что ученик занимался тем, что переписывал Священное Писание. «Вот, посмотрите, – говорит он, – даже одной буквы не дописал, остановился и сразу пришел сей ученик».

Вот это послушание, вот это любовь. А в нашей жизни, когда наши папы, мамы призывают нас на какое-то дело, мы говорим: ну не сейчас, ну потом, ну подожди, ну завтра – в общем, не до тебя мне. Получается, я тебя в этот момент не люблю, ты мне не нужен. А Богу-то мы всегда нужны, и Бог нам всегда нужен, хотя мы о Нем иногда и забываем.

Если эта любовь к ближнему у нас будет, и будет любовь к Богу, она распространится на всех и на вся, поскольку любовь не знает границ. Когда говорят: мы любим хороших, мы любим чистеньких, – то в ответ можно услышать: а ты меня полюби грязенького. Грязенького и впрямь полюбить трудно, для этого нужно иметь крепкую любовь к Богу и к ближнему.

Известно выражение: любовь жертвенная. Любовь, простирающаяся до того, что человек готов и жизнь свою погубить. Вот за нас Христос отдал Свою жизнь, а в Священном Писании сказано: мало кто отдаст жизнь свою за ближнего, разве что, может быть, за своего благодетеля – и то подумает, нужно ли это делать. Может быть, каждый из нас в каком-то порыве и думает: я бы совершил геройский подвиг, если бы случилась такая ситуация. Что ж, может быть, и многие из нас окажутся героями в случае необходимости. Но вот в обыденной, каждодневной ситуации часто, очень часто идет проверка нас самих. И тогда мы себя проверяем: ну-ка, как мы любим Бога и как мы любим ближнего? Зачастую получается, что мы можем любить, когда нам комфортно, когда нам удобно, когда нам приятно. А когда нам не хочется, не может, не нравится – у нас найдется много причин, чтобы высокое и благородное чувство любви не проявить. Так часто бывает.

Мир с Богом – это любовь, согласие. Проявляются они, конечно же, через борьбу с грехом. Вот отсюда и возникает понятие аскетизма, понятие понуждения, сознательного продвижения себя к любви. В Евангелии сказано, и особенно хорошо это звучит по-церковнославянски: *Царствие Божие нудится, и нуждницы восхищают е* (Мф. 11, 12). По-русски «нуждницы» – это употребляющие усилия. Употребляющий усилие – достигает. По-славянски это звучит более четко, более красиво... Вот и здесь слышится этот принцип самопонуждения. Борьба, как мы понимаем, у нас должна быть с самим собой, у каждого с собой.

На всю жизнь запомнился такой эпизод: когда я учился в духовных школах, придя однажды на урок, увидел на своем столе аккуратненький белый листик промокательной бумаги, и на нем аккуратным таким почерком было написано: «Господи, дай мне силы бороться с самим собой!» Кто-то до меня здесь сидел, видимо, что-то слушал или думал и вот так напи-

сал для себя, может быть, даже своего рода жизненный девиз: «Дай силы бороться с самим собой». Потому что жизнь есть борьба. Мы же знаем, у каждого из нас есть проблемы большие или малые, и чем дольше мы живем, тем больше этих проблем в нашей жизни возникает.

Поэтому жизнь в Боге – это непрестанное борение, созидание и подлинное творчество. Этим-то, может быть, жизнь и хороша. Но здесь же нужно и покаянное чувство, чтобы себя увидеть, узнать и потом уже искоренять в себе все нехорошее, нечистое. Радости не будет без покаяния, мы не вкусим сладкого, не познав горького. Но так мы творим в себе нового человека. Вот отсюда и принцип духовной жизни, и залог, что не будет она скучной, не будет неинтересной. Пост – это не только квашеная капуста или картошка, или поклоны, или бесконечные службы, когда кажется: ну, сел бы или ушел бы. Нет, пост – это творчество, созидание себя самого.

Любовь нужно проявлять и в труде, и в земном приготовлении к Царствию Божию, чтобы там в полной мере восторжествовала любовь и мы могли реализовать то, что приобретаем на земле. Эта любовь проявляется в служении. В том числе в служении самим себе, потому что мы знаем, у Святых Отцов написано: человек должен хранить совесть по отношению к Богу, по отношению к окружающим и по отношению к самому себе. Наша любовь проявляется в служении нашим братьям и сестрам, тем, кого мы любим. Но мы, конечно, не любим наших врагов. Для нас любить врага сложно, трудно, хотя мы знаем, что должны его любить. В Евангелии написано, что мы должны любить врагов наших, и тот, кто, по крайней мере, старается это делать, кто трудится для этого, – тот соблюдает заповедь и обретает любовь Божию.

Вот и святитель Димитрий Ростовский говорит: если ты молишься за врагов своих, то ты чудотворец. А мы часто не любим даже ближних наших, хотя они и не враги, но не всегда любимые нами люди. Не любим, потому что они нам докучают, мешают в чем-то, стесняют нашу свободу. У молодых людей это чаще всего родители. Те, которые их «не всегда понимают», «не всегда разделяют» их взгляды, убеждения; те, которые уже «отстали от жизни» и что-то «свое толкуют». Но вот проходит время, все немножко подрастают и, сами себе удивляясь, убеждаются, что нашим родителям, в их родительскую меру, дано такое чувство – предвидения, что ли, прозрения. Вникая в нашу жизнь, они многое видят. Не всегда правильно? Как сказать... Зачастую их родительскому чувству открывается, в чем мы неправы. Часто они говорят нам то, что должны были сказать, а мы не всегда это принимаем. Здесь мы должны проявить любовь через смирение и через послушание.

Накормить голодающего, одеть больного, утешить скорбящего... Конечно, это заповедь Христова, и каждый из нас должен этот образ действий созидать прежде всего в самом себе, в своей семье, в той среде, которая его окружает, в обществе. Тогда будет общество преобразовываться, тогда все большие задачи, которые мы сами себе ставим, которые перед нами жизнью ставятся, будут исполняться. Это и будет исполнение заповеди любви, с этого начнется подлинная христианская активность в мире.

Случается, овладевают смешанные чувства, когда встречаешь людей, которые только что пришли к Богу, почувствовали радость единения с Творцом. Теперь они хотят поделиться этим с другими, так, чтобы все знали об этом сокровище, и подчас они обращаются в проповедников, но юных и неопытных, от которых, чаще всего, исходит такое морализаторство: а ты неправ, так не нужно делать, вот как учит Церковь. Чтобы все было правильно, чтобы было убедительно, надо исходить прежде всего из собственного внутреннего опыта. Уверить других можно будет тогда, когда мы сами будем жить по заповедям, об этом говорит весь опыт первохристиан.

Бывает и в семьях, когда молодые люди приходят ко Христу, а родители где-то еще сзади. Тогда дети начинают поучать родителей, превращаясь в семейных стражей морали и христианства. И вот стоят они на страже, а в семье начинает формироваться, может быть,

не очень добрая и спокойная атмосфера, потому что если мы учим старших от слова Божия, то они учат нас от жизни, данной Богом. Они говорят: «Ты в церковь ходишь, а что ты дома делаешь, что ты вообще сделал для себя, для общества? Ты опустился, не интересуешься ничем». В чем-то существенном они часто бывают правы.

Все это тоже надо учитывать, потому что именно наша умеренность, деликатность очень часто тоже является проявлением любви к ближнему нашему. Церковь, конечно же, благословляет подвиг, и подвиг любви – прежде всего. Его суть, как мы уже говорили, заключается в понуждении себя...

О монашестве, пути и образе человеческом

Прежде всего, монах, конечно, – это тот, кто один. *Monos* – один, как известно. А еще монах – тот, кто служит Богу. Но служение Богу есть у каждого из нас. И дело не в том, какой образ жизни мы выберем, а в том, как мы будем жить. Даже в чине пострига сказано: будет тебя Господь судить не по тому, что ты обещал, а по тому, что ты исполнил.

А идеалы евангельские открыты для всех: люби Бога и люби ближнего своего. Здесь не должно быть эгоизма. Эгоизм, эгоцентризм исключает любовь, потому что где же мы дадим место Христу, где же мы дадим место ближнему, когда сердце наше занято только нами самими? Только мы там довлеем, только мы управляем, только себя видим и чувствуем. Конечно, это плохо.

Отсюда же, из этого источника, проистекает отношение к обществу, к людям, отношение к самим себе. Блаженный Августин, обращаясь к Богу, говорил: «Ты создал нас для Себя, и беспокойно томится сердце наше, пока не успокоится в Тебе». Здесь все говорит о том, что Бог создал нас в жилище Себе, каждый из нас – чадо Божие. Но – настолько чадо, насколько оно близко к Богу; настолько мы являемся детьми Божиими, насколько мы близки к Его любви.

Христос для нас является путем, истиною и жизнью. Причем важно, чтобы это был не отвлеченный постулат, важно, чтобы мы были христианами не только в Церкви. Есть понятия: человек церковный и человек нецерковный. Следует отчетливо понимать, что есть люди, которые признают Христа, но живут вне Церкви, и есть люди, которые признают Христа, и кажется, что они в Церкви. Они исповедуются, причащаются, молятся, но насколько в них жив Христос, насколько в них жива Церковь, насколько в них жива эта благодать – большой вопрос. Не секрет для каждого из нас, особенно для девочек – мальчики этой проблемы не имеют: вот девочка идет в Церковь, она надевает платочек, она благочестивая, стоит и молится. (Мы знаем, у апостола Павла написано, что жена должна покрывать свою голову.) Но вот выходит девочка из храма, платочек свернула, положила его, все, пошла по своим делам. Наверное, дело не в платочке, но вот что интересно: я захожу в храм и становлюсь такой, а когда выхожу – становлюсь другой? Но важно ведь, чтобы мы церковную благодать несли с собою в жизнь, чтобы каждый наш шаг, каждый поступок был проанализирован – насколько он совершен по-Божьи, по любви ко Христу, по любви к ближнему своему. А иначе все наши хождения будут напрасны. Даже если мы усвоим все церковное, это может оказаться ханжеством. А если мы еще и церковного не усвоили, это просто будет дилетантство, когда мы говорим о Христе, а на самом деле Им не живем.

Каждый свой шаг следует приносить как бы в жертву Богу, и тогда Бог это все будет видеть. Как люди иногда говорят: у Бога все записано. И вот все наши дела, они тоже будут записаны, и когда душа пойдет по мытарствам, то там все это будет о нас говорить: вот человек грешил, но он каялся, исправлялся.

У Достоевского написано, как привели душу, и абсолютно ничего доброго за ней не было. Но Ангел-Хранитель где-то отыскал луковицу маленькую, которую человек дал когда-то как милостыню. И может быть, эта луковица и спасла бы, поскольку стала подниматься уже душа на небо. Но увидела, что к ней цепляется еще кто-то. А поскольку любви нет, нет сострадания, локоть та душа выставила, и другая от нее отпала, а вместе с ней упала в огненное озеро и сама эта душа, уже почти спасенная своей маленькой милостыней...

У Бога все есть, у Бога все помнится – это важно и значимо, что не пропадает каждый наш малый шаг... Когда мы можем помочь человеку делом – очень хорошо; можем помочь словом – хорошо; не можем ни тем ни другим – хотя бы вздохнем за него, искренне, от

сердца: я не могу ему помочь, Господи, Ты Сам помоги. И конечно, это будет услышано, Бог это знает.

И еще и еще раз: Христос для нас – это и путь, и истина, и жизнь, и все это основывается на любви. Христос есть путь, потому что Он не только указывает человеку путь, Он ведет его по этому пути. Он всей своей жизнью показывает нам пример, Господь наш, пример истинного Человека, образ истинного Человека.

Вспомним, как Господь исцелил расслабленного, пролежавшего у Овчей купели в ожидании чуда тридцать восемь лет. Когда Он подошел к нему и спросил: *хочешь ли быть здоров?* – тот ответил: *так, Господи; но не имею человека, который опустил бы меня в купальню, когда возмутится вода* (Ин. 5, 6–7). «*Не имею человека*!» – вот она, трагедия расслабленного человека. Тридцать восемь лет он не имел никого, кто бы оказал ему сострадание! И вот Господь пришел и сотворил чудо. Это одиночество (я думаю, что молодые еще не вкушают его в такой мере) – вещь страшная. Страшно человеку, когда человек один. Только Господь может ему помочь.

Сейчас, если говорить о России, мы по-новому повернулись к Церкви, по-новому повернулись к Богу. Мы находимся здесь, нам не просто интересно: мы слушаем, познаем, и мы желаем идти этим путем. Но у нас много недостатков, следует признаться: у нас много черствости, равнодушия, апатии к чужому горю, к обездоленности человека. Нам легче пройти равнодушно мимо человека, чем отозваться на его боль, нам трудно быть активными в добре. А это участие в добре очень важно, нужно, необходимо. Сейчас многим трудно жить, и бывает, что люди более пожилого возраста говорят: в 50-е, послевоенные годы, в 60-е тоже люди жили, может быть, сложнее, труднее, в бараках, где-то ютились, но они общались между собою, были добрее, заботливее друг к другу. Здесь речь не о вере, не о Церкви, а просто о людях, а также о том, как они жили, были дружны. А потом все стали разобщаться, стал уходить человек от человека. Это очень трудно, может статься, что человек с человеком станет жить как в пустыне...

Один Старец про последнее время говорил так: не бегите в горы, а бегите в город, за многоэтажными домами будет как за каменными горами. Это правда. Люди на одной площадке могут прожить много лет и не знать друг друга. Хорошо это или плохо? Любовь, наверное каждый знает, – она общительна. Конечно, не в том дело, чтобы брататься со всеми и теперь же. Но, тем не менее, разобщенность, отчуждение – это не признаки любви.

Во II веке святой Феофил Антиохийский, полемизируя с язычником, писал: «Ты говоришь: покажи мне твоего Бога, – а я тебе отвечу: сначала покажи мне твоего человека и тогда сможешь увидеть моего Бога». Мы не можем видеть Бога, пока не вырастем в полную меру нашего человеческого роста. Мы не можем называться христианами, пока не станем настоящими людьми.

Среди монашествующих известна такая шутка: один Владыка, поздравляя новопостриженного инока, говорит: поздравляю тебя с ангельским образом, но желаю тебе при этом не потерять образ человеческий.

Настоящий христианин, как мы понимаем, – это тот, кто готов, по слову Спасителя, положить душу за друзей своих, так же, как Господь.

Наверное, все больше людей приходят к убеждению, что подлинной жизни не может быть без жизни в Боге. Другая жизнь может быть и интересна; в ней мы знаем много приятных, притягательных людей, знакомых, что-то читаем, видим много хорошего, но...

Иногда возникает «неудобный» вопрос: как же так, вот человек без Бога, а он хороший? А другой – человек верующий, кажется, подлинно церковный, а не очень хороший человек? Не такой это человек, которого хотелось бы видеть, с которым хотелось бы общаться?

Есть интересная мысль отца Александра Ельчанинова. В «Записях» своих он говорит, что человеческое – это любить любящих, Божие – любить ненавидящих, а дьявольское –

ненавидеть любящих. То есть человеческое – любить любящих. Я люблю людей, которые любят меня, и, естественно, я не люблю людей, которые меня не любят. Я не имею ненависти к любящим, у меня нет дьявольского чувства, положим, но в то же время у меня нет и Божьего, я не люблю ненавидящих. А потолок человеческого – любить любящих – мы должны преодолеть, мы должны полюбить и ненавидящих.

Трудно, сложно осуществить это веление: *любите враги ваша* (Мф. 5, 44). Тот человек, который в общественном транспорте встал мне на ногу, на какое-то время становится мне не совсем другом и вовсе не другом моей мозоли. Но если я буду иметь самоукорение? Один знакомый рассказывал, что ездил в Москву в переполненной утренней электричке. И когда он пытался войти внутрь вагона, его, конечно, не пускали, а когда смирился и говорил себе: «Ладно, постою тут», – то его чуть ли не вносили туда.

Вот, пожалуйста, пример смирения, и не надо никаких подставленных щек. Но можно и по-евангельски: *...кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую* (Мф. 5, 39).

Старец Макарий Оптинский бесноватых излечивал так. Ввели одного бесноватого в скит, тот ударил старца по щеке, а батюшка подставил другую. Бесноватый и рухнул на пол. А нам просто на ногу встали... Так ли важно, что будет с моей ногой, если главное – что будет с моим сердцем? С ногой ничего не случится, человек не специально ведь мне на нее наступил! А вот что случится с моим сердцем, если я разгневаюсь, да еще выскажусь? Но если я скажу себе: да я того достоин, так мне и нужно, это по грехам моим, – будет совсем хорошо. Будет хорошо, потому что это и будет проявление любви к ближнему своему. Что для христианина может быть более важным!..

Возвращаясь к нашему «неудобному» вопросу, заметим: жизнь без веры, без религиозной мысли будет неполной, будет ненастоящей. Она, может быть, по-человечески интересна, красива, но она не будет устремляться туда, куда должно стремиться человеку по его человеческому достоинству и призванию.

Преподобный Серафим говорил, что всякое дело, которое делается не ради Христа, не имеет цены в очах Божиих. Оно имеет цену только в глазах человеческих. Мы все оцениваем, благодарим друг друга, говорим спасибо. Но в очах Божиих, если дело не для Христа делается, если не ради высшей цели оно совершается, а просто по-человечески – ну что ж... Мы ничего не зачеркиваем, мы ничего не отрицаем, дай Бог нам хотя бы в такую меру прийти, в человеческую, но... Но должны мы стремиться все-таки к высшему, для нас самому важному, тому, что от Него, что Им установлено и одухотворено.

Иначе может быть только внешняя оболочка, внешность, лишенная содержимого, это могут быть мехи ветхие или новые, но лишённые вина. Христос есть то вино, о котором можно сказать словами преподобного Исаака Сирина: *«Вот вино, которое веселит сердце человека* (Пс. 103, 15). Блажен, кто испиет вина сего! Испили его невоздержные, и устыдились; испили грешники, и забыли пути преткновений; испили пьяницы, и стали постниками; испили богатые, и возжелали нищеты; испили убогие, и обогатились надеждой; испили больные, и стали здоровыми; испили невежды, и умудрились».

И еще, о пути ко Христу. Хотелось бы, чтобы каждый, кто еще не встал на него, не пошел по нему, – все-таки сделал это. Встал на путь, который постепенно ведет ко Христу. У каждого на этой дороге свои успехи, у каждого свои ступени, у каждого свой показатель роста. Был такой момент, когда сердце без оглядки потянулось ко Христу, были такие моменты, когда, может быть, кто-то себя спрашивал: а правильно ли он поступает? зачем он здесь? почему он здесь? что ему это дает, что у него будет впереди?

Выходя в плавание христианской веры, мы рискуем. Профессор Осипов на подобные вопросы отвечает так: положим, что человек заблудился в лесу и, встречая других, спрашивает: «Как мне выйти отсюда?» А ему говорят: «Отсюда выхода нет, бессмысленно все, здесь

погибнешь». Идет он дальше, встречает других, они ему говорят: «Есть путь, очень трудный, очень сложный, очень долгий путь, но он есть». И вот, если он идет тем путем, он все-таки выходит. Так и во Христе: мы сами должны познать истину, познать в первую очередь сердцем. Господь нас позвал, и если мы на это откликаемся всей душой, всем сердцем своим, то, конечно, мы убеждаемся, что Бог есть для каждого из нас. Ведь источник познания – сердце наше: насколько оно реагирует, насколько оно откликается на Его голос, настолько и мы познаем Бога. Выбирая тернистый путь любви, мы и будем со Христом.

Нам известно такое слово, как *благодать*. Преподобный Симеон Новый Богослов говорит, что если мы здесь, на земле, не стяжаем благодати, если хотя бы отчасти к этой великой духовной величине, к этому возвышенному состоянию не приблизимся, – там, в будущей жизни, мы этого не сподобимся.

Благодать нам дается в Церкви, в Таинствах церковных, дается в высоких, возвышенных чувствах. Но не всякое движение нашего сердца, может быть, экзальтированное, является благодатью. Благодать – это такое высокое, настоящее и большое чувство, когда Христос приходит и творит Себе обитель в нашей душе. Насколько возможно стремиться к этому, мы должны стремиться.

Мы можем чувствовать, как мы проживаем Великий пост. Каждый в свою меру, кто хуже, кто лучше, – но все равно Пасха наступает для всех. Христос всех приглашает на эту великую Вечерю любви и Праздников праздник. Иоанн Златоуст в своем Огласительном слове на Пасху говорит: тот, кто постился и не постился, кто-то в третий, в шестой час и в другое время кто пришел, все придите в радость Господа. И вот это переживание важно для каждого из нас. Для каждого из нас Церковь делится этой радостью, и не только в храме, но мы идем крестным ходом вокруг храма. Мы как бы всю окружающую среду стремимся наполнить благодатью, силой этой, этим ликующим возгласом: Христос Воскресе! – согреть, наполнить, очистить ею каждое человеческое существо. И каждый из нас призван к этому, если мы любим Христа, если мы стремимся к Нему...

О любви в «днях юности твоей»

Однажды на Всероссийском съезде молодежи Святейший Патриарх Алексий заметил: пастырское сердце грустит, когда приходится видеть огромное стечение молодых людей на концертах популярных исполнителей или на футбольных матчах. «Нет, мы вас не осуждаем», – продолжил Святейший Патриарх. Молодости свойственно стремление к творческому поиску, состязаниям, развлечению, все это должно занимать в жизни молодежи свое место. Однако необходимо уделять время и поиску истины, и молитвенному предстоянию пред Господом Богом. Ведь если душа не имеет связи с Духом Божиим, она истощается, разрушается, оказывается беззащитной перед натиском искушений, страстей, порока.

Веселись, юноша, в юности твоей, и да вкушает сердце твое радости во дни юности твоей, и ходи по путям сердца твоего и по видению очей твоих; только знай, что за все это Бог приведет тебя на суд. И удаляй печаль от сердца твоего, и уклоняй злое от тела твоего... (Еккл. 11, 9). *И помни Создателя твоего в дни юности твоей* (Еккл. 12, 1).

Мир меняется, но Христос остается неизменным.

Когда у преподобного Серафима Саровского спросили, почему люди теперь не творят великих подвигов, он сказал, что Христос один и тот же, Христос пребывает вовек, но у нас не хватает решимости следовать за Ним.

У каждого может быть свое оправдание. Ну например: не стоит взбираться на высокую гору, чтобы потом с нее не падать стремительно. Иногда рассуждают: если бы были великие подвиги, были бы пещеры или особенное служение ближнему, то на это бы мы были способны. А на то малое, что каждый день нам предстоит, глядят как на будничную серость, в обыденных делах может усматриваться, может быть, даже и бездуховность – мол, это не важно и не значимо. Но имеет значение вся наша жизнь, каждый проживает свою жизнь именно в тот момент, который мы живем сейчас, сегодняшним днем. И служить друг другу мы должны каждый день, и каждый тем даром, какой получил. Как говорит апостол Петр, от *многообразной благодати Божией* (1 Пет. 4, 10).

Блаженнейший Архиепископ Афинский и всея Эллады Христодул много общался с молодежью. О нем говорили, что когда он был еще на епархии, приезжая на какой-нибудь приход, он заходил в места, где собирается молодежь. Может, это были кофейни, может быть, другие общественные места. Там он начинал говорить свое слово и так воздействовал на молодежь, что она потом вся уходила вслед за ним в храм, когда он шел на богослужение. Так вот, он приводит слова святителя Григория Богослова: «Ты молод – стань против страстей... имея поборником и пособником Крещение, сопричти себя к воинству Бога, ополчись против Голиафа и насладись своей молодостью». (Голиаф – это тот великан, которого победил пророк Давид.) Юный христианин, дай Бог, чтобы ты всегда мог оставаться молодым; чтобы ты был господином времени и истории; чтобы жизнь твоя имела смысл.

В Греции один священник спросил у группы молодых людей: «Как вы думаете, ребята, может ли молодой человек жить сегодня в Церкви?» На что юноша-студент ответил ему: «Отче, ваш вопрос неверный. Надо было бы спросить: может ли молодой человек жить сегодня без Церкви?» Такой ответ молодого человека – это ответ многих молодых людей в сегодняшней Греции. При недавнем опросе, который провело греческое Министерство образования, 87 процентов учащихся гимназий и 77 процентов учащихся лицеев заявили, что они доверяют прежде всего Церкви.

Это Греция, а как обстоит дело у нас? Не в процентах дело, а как мы на себя смотрим, кем себя считаем? Много в России христиан или мало?

Наверное, отсутствие должного воспитания есть корень всякого зла. Конечно, это исторически сложившаяся, серьезная наша проблема, проблема наших современных людей,

состоящая в том, что мы многое не сохранили, утратили. Нас не воспитывали, и в этом есть причина. Но причина и в нас самих, мы и сами подчас воспитываем других не так, как нужно.

Педагогика без христианства – это известная мысль Ушинского – есть вещь невыносимая: безголовый урод, деятельность без цели и без результата. Школа должна быть не только школой арифметики и элементарной грамматики, но прежде всего – школой христианской под руководством пастырей Церкви.

Святитель Филарет Московский говорил, что свет одного научного образования без света Христовой истины – все равно, что свет луны без солнца, свет холодный, бесчувственный, свет чуждый и заимствованный. Он будет только скользить по поверхности души, как скользит свет луны по скале, не проникая внутрь ее, никогда не в состоянии будет согреть, оживить и возбудить наше сердце к трудам и подвигам.

Можно показать соответствующие примеры. В известном православном студенческом журнале опубликована статья «Без любви здесь обойтись нельзя». В ней приведено интервью, данное корреспонденту, студенту Духовной академии, двумя лаврскими иноками, архимандритом Трифоном и архимандритом Никодимом, которые вот уже много лет ходят в следственный изолятор. Он находится в Сергиевом Посаде, где и раньше была тюрьма, на проспекте Красной Армии. Там сейчас восстановили храм в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали». Есть в этой публикации интересные наблюдения и мысли. Вот отец Трифон говорит, что когда они с отцом Никодимом впервые пришли в тюрьму, в их сердцах горела идея, что они будут учить людей, проповедовать, объяснять им, как жить. Но пообщавшись с ними, окунувшись в их страдания и горе, иноки поняли, что все не так просто, как написано в книгах. Никакого книжного пособия не может быть для миссионерской жизни. Как можно человека научить любить? Это дар Божий, а без любви здесь обойтись нельзя, нужно именно полюбить людей в их страданиях, несмотря на то, какой поступок или преступление они совершили. Сам Господь пришел спасти грешника.

Они говорят, что десять лет они ходят уже туда и перенесли там и насмешки, и кичения. Конечно, кажется, что так благородно – прийти в тюрьму, говорить о Евангелии... На самом деле это всегда трудно, потому что человек должен настроиться на особую волну, взять не фальшивую ноту, должен в глубине своей природы откликаться на Евангелие, только тогда он что-то подлинное услышит.

Там были люди, которые мешали, говорили: эти порывы глупы, неразумны. А спустя некоторое время многие просили прощения за то, что на храмовой беседе плохо слушали, разговаривали, и на следующий раз многие надевают кресты, приходят в тюремный храм на службу, на собеседование, хотя еще не многие задумались над изменением своей жизни.

(В житии преподобного Ефрема Сирина есть такой пример, когда он оказался в тюрьме, и там с ним было двое других заточенных в узы. Он попал туда невинно, его оболгали, но Преподобный вспомнил свою жизнь и вспомнил забытый грех, подумал, что мог у соседа спасти овечку, а ее разорвал зверь... И Преподобный осудил себя за этот грех, обвинил себя. Вскоре он был освобожден из тюрьмы, а те двое были осуждены.)

Так вот, лаврских отцов спрашивают: задумываются ли люди, почему они здесь? Они отвечают: нет. До этого человек должен еще дойти, как-то дорасти до вопроса, почему он здесь. Должна быть открыта первопричина греха, надо задуматься над тем, что есть грех. Человек не просто совершил какое-то преступление, за которое его осудили на какой-то определенный срок. Он совершил грех, и вот за этот грех он должен ответить.

Когда Господь касается этих сердец, эти люди пишут: «Сейчас, оказавшись в тяжелых условиях, вдалеке от близких, я стал по-настоящему задумываться о смысле своей жизни, о Боге и прошу Вас не оставлять меня. Если я там, в изоляторе, и был безразличен к проповеди и беседам, то сейчас я Вас очень прошу, помогите как можете, не только материально, сухарями и чаем, а помогите духовной литературой, которая может вести человека ко спасению».

Дальше отец Трифон рассказал, что получил письмо от одного «авторитета», и тот говорит: «Не знаю, как бы я жил, да и стоило бы жить, если бы Господь Бог не послал Вас на моем грешном пути. От Вас я узнал, что есть иная жизнь, значимая, истинная, очень тяжелая, но достойная. В душе моей происходит большая борьба, и я чувствую, что мне не хватает духовных сил. (Ясно, что врагу не нравится, когда человек увидел всю бездну своего падения!) Все мои преступления перед Господом камнем висят на моей жалкой душе. Ой, сколько всего было, не дай Бог, если еще будет. Жизнь свою прокручиваю как боевик...»

Вот такое возникло сокрушение, потому что была проявлена любовь, было проявлено снисхождение, породившее такое великое и значимое покаяние.

Однажды отец Трифон шел по коридору, и его шаги, уже, видимо, знакомые, услышал заключенный и вслух говорит: «Батюшка, я научился плакать!»

Такой результат – показатель того, что человек уже не мирится сам с собою, уже оплакивает самого себя. Конечно, это уже начало, это уже шаги к исправлению.

И еще о любви и милосердии в наше трудное для такого делания время. Приведу рассказ престарелой монастырской сестры. Монастырь, где она служила, располагался около Дмитрова, там прежде была Влахернская обитель, которая сейчас уже восстановлена. Эта мать Пантелеймона, с таким именем она приняла постриг, а до того ее звали Евдокия. Она была в числе многих других сестер отправлена в ссылку под Плесецк. Там у нее и ее сокамерниц, этих сестер монастырских, была работа, они стегали одеяла. А ей было трудно сидеть – она получила травму, – и они с одной сестрой решили научиться сестринскому делу, уходу за больными, решив, что так им будет легче. Они подошли к Владыке, там был умирающий Кронштадтский владыка Евсевий, с просьбой: «Владыка, благословите учиться на медсестер». Владыка им говорит: «Нет, на медсестер я вас учиться не благословляю. Учитесь на сестер милосердия». И она действительно приобрела там специальность. Потом уже, вернувшись из ссылки, она много лет проработала старшей медсестрой в Дмитровской больнице. И именно дело милосердия питало ее, оно согревало окружающих вокруг.

А тогда, в лагере, их привели в барак, где все нары были заняты. Там уже было много монахинь, а ей пришлось поместиться уже с женщинами-уголовницами. Ее поселили на нары с самой отчаянной. Но она как-то так добром, любовью утешала ту и добилась взаимного расположения. Так что потом, когда эта уголовница входила в барак и начинала вертеть в руках нож, сокамерницы говорили: «Евдокия, пойдись успокой свою». Вот она ее успокаивала, приводила в мирное расположение духа.

Потом она жила в коммунальной квартире, кажется, соседи против нее вооружались, но она такой же любовью и снисхождением всех примиряла, так что после, когда уже расселялись, те о ней плакали, как о доброй родственнице.

Есть интересная книга «О подвижницах милосердия», в которой рассказывается о русских медсестрах. Медсестры – сестры милосердия. В ней повествуется о сестрах милосердия, которые прошли через дореволюционные еще войны. Они являли собой пример подлинного героизма, настоящей великой жертвенной любви, они отдавали за нее свою жизнь. Это были и простые женщины, и женщины из великосветского общества, которые оставляли все и шли на войну. Они разделяли все воинские тяготы с солдатами русской армии. Об одной говорится: уголок в палатке, снопик под голову, серая рвань какая-то, брошенная на слякоть. Холод, осень. Ни одеяла, ни подушки. «И одеяло, и подушку больным отдала, – отзывается доктор. – Носилки принесли, в чем раненых носят, – и те сволокла в палатку, умирающего поместила на них. Сама в грязи спит. Зашел я раз к ней, холодно было, накрыть-то нечем, все, что было, снесла туда. Сидит дрожит и руки над фонарем греет, что за натура?! Несколько раз ее тиф захватывал. Придет отдохнуть, и голова начинает кружиться, болеть, ноги не держат, вот-вот сляжет. Нет, позвали к больным – все как рукой снимет, опять бодрая, неутомимая».

Или сестра Раевская из Петербурга, из высшего света, у нее уже кончалась командировка, отзывали ее уже в Петербург – были родственники, которые звали ее отдохнуть, подлечиться. А она, кажется, уже была и готова, но вот подошла к умирающему в палате и уйти уже не могла. «Ну что, Степанов?» – спросила Раевская, входя в шалаш. «Сестра, голубушка, родимая – все бросили, все ушли, ты одна со мной, спаси тебя Бог! Дал Он мне тебя». – «Ну полно-полно, кто ж тебя бросил? Видят, что тебе лучше, пошли к другим, кому потяжелее. А я сюда зашла, отдохнуть, поболеть с тобою». – «Вот-вот, спасибо, сестра».

И она ему говорит: «Мы еще домой поедем. Нет, я тебя не брошу, нет, я не брошу вас, останусь я с вами», – вся в слезах умиления повторяла она. И не ушла она, отказавшись от всего. Не ушла к голубому морю, но не ушла также и от смерти, давно сторожившей мученицу.

И много было таких беззаветных, просто неизвестных тружениц, которые шли прямо по канавам на военном марше... В книге описывается такой случай: идет сестра, за ней санитары несут больного, впереди большая канава, санитары думают: «Надо как-то обходить», – а она – прямо через эту воду и командует: «Идите за мной», – и стояла до тех пор в воде, пока всех больных не перенесли.

Поразительны примеры таких подвигов, когда медсестры ухаживали за прокаженными, когда они выезжали в лепрозории и находились там вместе с больными, буквально отдавая свою жизнь, часто и сами там оставались, так что уже могильный холм покрывал их тело.

Итак, любовь – слово красивое, емкое, большое, но и трудное. Дело любви трудное. Но тем не менее мы христиане, Господь с нами, мы призваны служить Ему, служить ближним, и эта любовь будет основой нашего спасения, нашего пусть маленького, но еще раз подчеркнем – повседневного подвига. А подвиг этот необходим. Потому что, выйдя за пределы заповедей Божиих, мы можем вести себя иначе, можем забыть надолго, как должны себя вести, какими мы должны, призваны быть. Но это не послужит к добру.

Вот когда мы будем помнить о нашем долге постоянно, то все будет по-другому. Все не так просто, но все и не так сложно Богу содействующему.

А если у нас наше исправление начнет получаться, то надо приписывать успех не себе, потому что не мог я сам или я сама исправиться, а сделал это Тот, Кто действует в нас, Бог всемогущий. Он нам помог. Кутузов, когда французов разбил, – на медали была отчеканена надпись: «Не нам, но имени Твоему». Побеждает Бог, Который действует в нас, а мы кто? Мы рабы неключимые.

Нужно как можно чаще спрашивать себя: кто я? И великие святые, и пророк Давид говорили о себе: я есть мерзость пред Богом и людьми, *я же червь, а не человек, поношение у людей и презрение в народе* (Пс. 21, 7).

Надо вспоминать свои немощи и недостатки. Успехи – Богу, а грехи – наши.

А еще следует всегда помнить цель, ради которой мы все в нашей жизни делаем. Цель... Вот, положим, делаешь человеку подарок, но всегда есть вопрос: ради чего он делается? Если ради того, чтобы и мне подарили что-нибудь в свою очередь, это – человеческое. Если ради того, чтобы мне оказали потом услугу какую-то, тем более если это какой-то вышестоящий человек или тот, от кого я завишу, значит, это – человекоугодие. А если я дарю даже, может быть, и не очень любя, не будучи сильно расположен, но я делаю это, чтобы победить себя, искоренить в себе зло, то именно так и надо. Тогда я борюсь со злом в себе, и это будет уже то, что нужно, то, что Божие, и это будет ради Христа.